

10-го июля 1929 г.

П Р А Г А

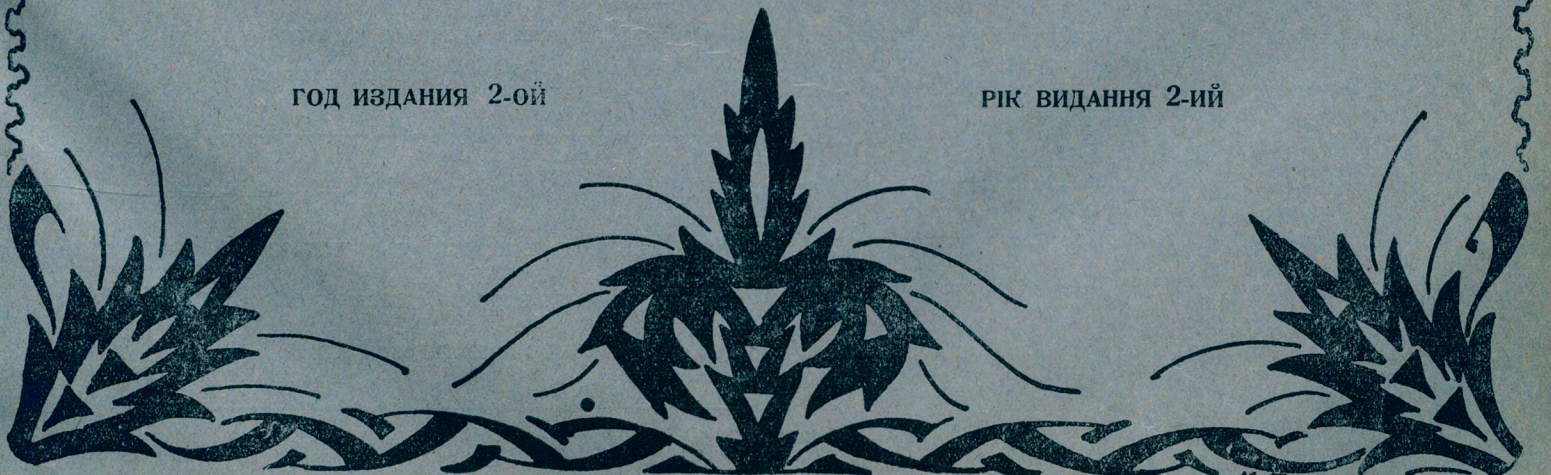
ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

39

10-го липня 1929 р.

П Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

М. Битинський

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. *Гнат Макуха*: * * * Вірш.
2. *Санжа Балыков*: Желчь.
3. *Любовь Самсонова*: В детской.
4. *Константин Поляков*: * * * Стихи..
5. *Борис Кундрюцков*: Голутвенные песни.
6. *Валентин Конопацький*: Іде Пан.
7. *Микола Оверкович*: * * * Вірш.
8. На суд Казачества.
9. *А. Б. Крыгин*: Казачьи пути.
10. *Ис. Быкадоров*: Происхождение казачьих фамилий.
11. *В. Елисеев*: Песни и песенки.
12. *Дон-Араши*: Наши песни нашим детям.
13. *Сергей Макеев*: I. Банкет. II. Не страшно.
14. Думы и мысли.
15. Международная жизнь.
16. Украинская эмиграция. † Е. Х. Чикаленко.
17. Казачья эмиграция.
18. В Казачьих Землях.

П О Ч Т О В Ы Й Я Ц И К

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Болгария. — Я. Л. — Пришлите адрес того казака, которого Вам удалось „вихрестить“. Привет!

Франция. — С. М. — Получено, спасибо. Привет!

Югославия. — Г. М. — Одержано. Відповідь буде. Вітаємо.

Франция. — Е. Я. — Дякую, брате, за добре слово.

Белград. — А. С. — Ваши „записки партизана“ на очереди. Привет!

Франция. — Т. — Просмотрели. Сколько бы наши противники не скрежетали зубами, дела В. К. они не убьют. Привет!

Белград. — Б. К. — Получено. Ответ — письмом. Привет!

Франция. — П. К. — Письмо Ваше получено. Так будет лучше. Привет!

София. — П. Н. — Получено. Привет!

Болгария. — Г. А. — Спасибо за доброе слово.

Тяньцзинь. — А. Е. — Письмо Ваше получено, адрес переменен. Привет всем дальневосточным казакам!

Рим. — Е. П. — Письмо Ваше получено. Журнал Вам посылается. Мы потому и работаем, что, как и Вы глубоко верим, что Казачество не отжило, что оно „начинает все больше и больше крепнуть и в будущем вырастет в могучий крепкий дуб, которого не сломят никакие Мейснеры или Варшавские. Привет Вам!

Югославия. — М. З. — Получено. Ответ будет письмом. Привет!

Франция. — Просв. — И правильно делаете, что не верите. Врут они, все эти „П. Н.“, „Возр.“ и пр. Кричат они больше со злости. А мы пойдем дальше своей дорогой. Пусть себе ругаются — на лучшее они не способны.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Р У М Ы Н И И

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В Ю Г О С Л А В И И

Б. А. Кундрюцков. Београд, Кочина ул., 1.

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“, soba br. 9.

В Б О Л Г А Р И И

П. В. Нос. София. Антим I, 75.

В Б Е Л Ъ Г И И И Л Ю К С Е М Б У Р Г Е

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff),

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Н А Ю Г Е Ф Р А Н Ц И И.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).

Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13

Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин

F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Редакция ж. „В. К.“ просит всех казаков, обращающихся к ней по тем или иным вопросам, не забывать в каждом письме обязательно четко и ясно писать свой адрес.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

№ 39

Прага, среда 10-го июля 1929 г.

№ 39

Гнат Макуха.
(Югославия)

* * *

Я й зараз бачу ту хатину,
Яка стоїть коло гробків...
У ній мене, малу дитину,
Любити вчили козаків.
Я козаком у ній родився
Й недолю вперше в ній пізнав.
У нені рідної учився:
„Щоб свій свого не продавав“.
У ній же голос чув приємний,
Який Кубань любить повчав, —
І хоч я був малий і темний,
А все ж це глибоко сховав.
І тут далеко у чужині,
Серед чужих мені людей
Уже тепер старій дитині
Те ж саме мовить голос цей:

„Гляди ж, — Кубань твоя країна,
її ні на що не міняй,
Люби, як неню та дитина
Й козацтво, друже, поважай!“
— О, як би я знов у ту хатину
Хоч на хвилиночку попав!
Коли б ти знов свою дитину
Вже вільним, Краю, привітав! —
Забув б я всі пекельні муки
Й землі твоєї, любий, взяв
В свої черстві козачі руки
Й сказав: прикрий!.. я вже дїдав
Того, за чим я плакав всюди,
За що в степах чужих блукав..
Порвалось путо... Вільні люде...
І ти, мій Краю, вільним став..

Сашка Балыков. (Прага).

Желчь.

(Из степной старины).

Уже два раза выходило солнце, раз уходило на ночь и только на расстоянии двух арканов находилось оно от вторичного ухода, а Эрдне все ехал и ехал.

По синему простору неба, раскаленным шаром, медленно, точно нехотя, двигалось солнце, знойным дыханием опалая степь, а в бодике*) Эрдне осталось всего глотка три потеплевшей мутной раки, а последний кусок борца**) он с'ел еще в полдень, но конца пути все не было.

Как ни зорки были глаза у Эрдне, как ни далеко мог он видеть, но в степи ровной, как стол и как море безкрайней, ничего кругом не было видно.

Устал Эрдне, давно уже перепел он все песни степные и, опустив голову, под мерный шаг коня, думал думы невеселые, как степь бесконечные, словно сон тягучие, бессвязные.

Покрытые пятнами высохшего пота, сильно подобравшие животы, два рослых и красивых жеребца вьдо брели перед ним, связанные за шеи арканом.

Только неугомимый, резвостью и силой во всей Калмыкии известный, серый конь под Эрдне, потомок знаменитого „Човур аджирга“, подарка хану Дондок Омбо от шаха Персидского, все еще бодро шагал, грыз удила и натягивал поводья.

Уж давно, по расчету Эрдне, должна бы показаться одинокая юрта киргиза, вора Халды Маммуда, давнишнего тамыра***) его, которому ведет Эрдне обещанных донских жеребцов, за которые Халды должен достать ему резвейшего в Киргизии скакуна, а все ничего...

— Неужели он уковевал куда... может вода в озере выпарилась... тогда придется заколоть одного жеребца, попробовать горячей кровью его утолить жажду и голод и спешно, бросив другого жеребца, пуститься в обратный путь, чтобы непочетной, никому неизвестной смертью не запятнать славный род „Залху-Кевюдов“, — думал он, еще и еще обшаривая узкими глазами степную гладь.

...Ничего нигде... но почему кони, как будто, при-

*) Сосуд — вроде бутылки из копченой кожи.

**) Сушеное, вареное мясо.

***) По киргизски — друг.

бавили шагу, почему они вдруг стали забирать влево, — прошептал себе Эрдне, свободно пуская коня против легкого, теплого ветерка.

Еще тысячу шагов сделал серый... еще пройдена верста... еще сотня шагов и вдруг радостно вздрогнул Эрдне, привстав на стременах, козырьком приставил руку ко лбу и устремил свой взор вперед.

Там, всего в версте, как будто из ровной земли, едва заметно струился редкий серый дымок.

Облегченно вздохнул Эрдне и, поспешно отвязав бодик из торочки, жадно выпил он последние три глотка раки, которые берег до нестерпимой минуты жажды.

Скоро из глубокой степной котловины показалась верхушка, а потом и вся юрта и недалеко от нее заблестела под солнцем вода в озерце.

Бодрее зашагали усталые кони, они уже лизали губы, хрустели зубами, предвкушая живительную влагу. Эрдне прямо направился к воде, чтобы дать коням хоть по десятку освежающих глотков.

Он не сомневался, что юрта эта принадлежит его тамыру Халды, характерно распластанная, большая, черная, степенная и приветливая для степного путника, она была знакома Эрдне по прежним приездам.

Только одно было неприятно: за пояса юрты были привязаны пять оседланных коней.

— Что за люди, откуда и зачем они заехали к степному волку, отшельнику Халды, — думал Эрдне слезая у юрты и привязывая коней. Бросив взгляд на коней он понял, что и эти люди — издалека. Все кони были плотно покрыты белым налетом высохшего пота и пыли, уныло опустив головы, изредка вздрагивая, дремали они, только один маленький, поджарый буланый конек твердо стоял на ногах и, высоко задрав голову, весело помахивал лохматой чолкой.

— Чертоватый конек этот... — решил Эрдне, открывая полсть и входя в юрту. По правой стороне юрты, на широкой белой кошме сидело пять человек мужчин, судя по одежде, киргизов.

— Селям... да будет мягко и приятно ваше сиденье — проговорил Эрдне, почтительно наклоня голову, прижимая правую руку к груди. Он свободно говорил по киргизски и знал многие их обычаи.

— Алейком селям — отвечали сидевшие, быстрыми, колкими взглядами окидывая его с ног до головы.

Его большой, стройный рост, широкие плечи, мужественное загорелое лицо, а также новые, красного сафьяна сапоги с желтым шнуром по швам, новый шерстяной бешмет, отделанный золотыми позументами, туго подтянутый наборным поясом, внушили киргизам почтительное к нему отношение и они дружно подались вниз, очищая „тер“, — почетное место в юрте.

Халды радостно приветствовал своего тамыра и крикнул жене налить гостю кумыс и варить баранину.

Когда Эрдне холодным, ленистым, в нос бьющим крепким кумысом утолил жажду, хозяин, знавший по калмыцки, улыбаясь заговорил с ним, как будто задавая ему обычные вопросы про дела и семью гостя.

— Ты, друг, приехал в недобрый час. Это — люди манапа*) Кадыма, главы рода Кара-Цоккоров, живущих отсюда в двух днях езды. Манап уже год лежит больной чахоткой. Знаменитый знахарь указал манапу, что только человечья желчь может помочь больному, но что это очень трудно, так как нужна желчь иноверца. Манап послал этих молодцов к вам, в Калмыкию, чтобы добыть это неслыханное лекарство. Они тебя не упустят. Пока ты у моего очага, они не тронут, но они будут ждать тебя, чтобы по обычаю провозжать и там, вне моей юрты, я не защитник тебе. Подумай, как выкрутиться. Мы добрые тамыры, мы не можем пожелать друг другу худы.

Эти слова бросили Эрдне в холодный пот, но он, преодолевая себя, насильно, словно выслушивая от хозяина любезности, приятно улыбался, кивая головой.

Искусно предупредив Эрдне об опасности, хозяин приказал наливать еще кумыс. Эрдне выпил еще и

*) Глава рода, богач, владелец, родового состояния.

взяв себя в руки, начал думать, сосредоточенно набивая трубку.

На дворе еще был день.

Киргизы много пили кумыса и, охмелев, начали хвастливо галдеть, желая своими рассказами ошеломить дальнего гостя. Двое из них, таинственно пошептавшись, вышли из юрты. Когда они вошли обратно, Эрдне встал и спокойно направился к выходу.

— Вы не собираетесь ли уезжать, мы вас проводим, далеко проводим — заговорили киргизы.

— Какой же гость уезжает не поев баранины у тамыра и не получив обратного подарка на свой, я же привел двух донских жеребцов своему тамыру, не желаете ли посмотреть? — отвечал Эрдне.

Киргизы охотно вышли за ним и наперерыв начали расхваливать подарок, щупать жеребцам ноги, пробуя твердость жил и чистоту костей, мерять расстояние между клыками и резцами, совать кулаки в ганаш, в почечные ямки, желая определить и силу и выносливость жеребцов. Восторгам, как и полагается по случаю сделанного подарка, не было конца.

Когда все похвалы киргизов начали истощаться, хозяйка позвала мужчин отвести баранины.

Халды почтительно повторил просьбу своей жены и, ведя за собой гостей, скрылся в юрту.

Сделав вид, что собирается приступить к делу, присутствовать при котором не обязательно, Эрдне пристал и, поспешно отвязав своего коня, тихонько отвел его шагов на десять, сел и пустился вскачь.

Освежившийся водой и приотдохнувший серый ровно пошел отмахивать могучими плечами степную даль.

Киргизы, в предвкушении вкусной баранины, подставляя пригоршни под кувшин хозяйки, мыли руки, громко обсуждая достоинства приведенных халмаком жеребцов и не замечали продолжительного отсутствия Эрдне.

Халды, догадываясь в чем дело, молчал и в уме присчитывал сколько овец может дать ему манап за донских жеребцов.

Только когда подали баранину и приступили к еде, один из киргизов обратил внимание других на отсутствие халмака.

Все бросились вон из юрты и увидели уже далеко усакавшего Эрдне. Раздался невнятный гортанный крики и все киргизы, за исключением Халды, вмиг вскочили на коней и бросились вдогонь.

Оглянувшись назад, Эрдне увидел, как за ним рстянулись его преследователи.

— Бесчисленные Боги, помогите мне выйти из беды... пусть не все разом догонят... ом мани бадмехом — помолился Эрдне, натягивая поводья серому, чтобы сберечь его силу.

Обернувшись еще раз, он заметил, как один всадник далеко отделяется от своих и быстро приближается к нему.

— Ну, этот догонит... да не будет мне грехом, я защищаю жизнь — подумал он, вынимая из чехла подполой бешмета длинный, однозарядный пистолет.

Не прошло и пяти минут, как услышал он за собой громкий храп несущегося коня и, срывающийся крик киргиза.

— Стой, заяче сердце! не уйдешь!.. никто не уходил от погони моего буланого!..

— Не приближайся, если хочешь жить!.. застрелю! — крикнул ему Эрдне.

— Стреляй!.. не боюсь твоего куска железа, посмотрю как попадешь, а я уж не промахнусь — закричал киргиз и, вынув из болтавшегося на поясе чехла длинный блестящий нож, ринулся на Эрдне.

Эрдне спокойно подпустил его ближе и поднял пистолет, направляя его прямо в грудь киргиза.

— Может коня — пронеслось в голове Эрдне — нет, конь не причем, а грех один, да и конь уж очень хорош — вмиг ответил он зародившемуся колебанию и даванул на скобу.

Шумно повторяясь степным эхом, грянул выстрел...

— Аллах-ла!.. послышалось ему.

Шарахнулся в сторону буланый и киргиз, как куль, свалился с седла. Ловким броском нагнал Эрдне кир-

гизского коня и, кончиком плети зацепив за повод, поймал его.

Остальные преследователи были далеко. Видно было, что они его не догонят.

Эрдне успокоился и пустился дальше крупной рысью.

Спустя немного, он увидел, как остальные киргизы прискакали к убитому и что то долго возились над ним.

Духота летнего дня сменялась вечерней прохладой...

Приостывшее солнце, краснея, клонилось к закату...

Большое стадо коров, подымая облако туманной пыли, с мычанием приближалось к хотону.

Телята, привязанные за Зели*) против каждой кибитки, ревели на множество ладов, приветствуя возвращение матерей.

После длинного и дремотного летнего дня в маленьком хотоне началось оживление.

Голые дети, блестя бронзой загорелых тел, начали бегать по хотону вперегонки. Молодая калмычка в пестром цегдике**) поверх белой рубашки принесла на коромысле два ведра воды, открыла раскрашенную досчатую дверь и скрылась в кибитку, из которой широкой, редкой струей валил синий дымок.

Здесь курилась вечерняя рака.

Перед кибиткой, на белом ширдыке,***) согнувшись над шахматной доской, сидели два старика. Они молчали. Упорно морщили лбы. Сопели. Игра у них на этот раз серьезная. Играют на интерес: побежденный должен поднести победителю вторую чашу своей доли раки. После каждого хода сосредоточенно думают, шевелят губами. Неизменные трубки в зубах давно потухли и остыли.

Вот один, после продолжительного раздумья, сделал ход и сиплым голосом произнес:

— Ша хан!..

Противнику пришлось хана прятать. Но тот не дал ему опомниться.

— Ша хан!!!... уже громче и смелее заявил он, делая еще ход. Несчастный хан заметался прятаясь от атаки, но напрасно.

— Ша хан... Мад!!! — торжествуя, со вздохом облегчения, сказал нападавший, ставя на квадрат берсен¹⁾, решившего поединок.

— Гм... как это плохо... да, выхода нет, на этот раз вам повезло, смущенно признался противник, собирая шахматы в желтую сумку из бараньего пузыря.

Победитель отсел, вытер вспотевший лоб большим пестрым платком и начал набивать трубку крошеным самосадам из полинявшего черного шерстяного кисета.

— Старики, рака готова, идите брать хавхак²⁾ — позвала хозяйка, выглядывая из дверей.

Старики поспешно поднялись и вошли в кибитку. Один из них снял хавхак и положил его возле очага на северной его стороне, как полагается по закону. Хозяйка живо сняла трубку соединявшую два котла, освободила малый котел от обмазанной глины, вытаскала его из корыта с водой и поставила его перед стариками, сидевшими на ширдыке по правую сторону кибитки. Тот, который сидел пониже, снял крышку с котла и поставил ее тут же, возле себя, низом вверх.

Хозяйка подала круглую, деревянную чашечку для питья раки, кружку-черпалку из воловьего рога и пустое берве³⁾ с кожаной воронкой и, взяв бортхо⁴⁾, вышла доить коров.

Старик, снявший крышку от котла, зачерпнул немного раки и брызнул вверх, призывая на хозяина благословение неба, потом набрал еще немного и брызнул.

*) Веревка натянута между двумя колами.

***) Цегдик — халат-безрукавка.

****) Прошитая полсть.

¹⁾ Офицер.

²⁾ Глиняный конус, закрывающий отверстие в крышке котла.

³⁾ Сосуд вроде бутылки из копченой кожи, несколько большего размера.

⁴⁾ Ведро из копченой кожи.

нул в огонь, чтобы и эта стихия природы была милостива к хозяину сего очага.

Рака вспыхнула в огнесинево-желтым пламенем.

— Крепкая должна быть рака, хороший вкус у Занданы, дай Бог много лет ей здравствовать, никогда не переждит, не погонится за лишней чашкой, — сказал другой старик глядя на пламя раки.

— Да... крепкая, умелая она баба и рака у неятакая же крепкая, как сама... отвечал ему другой.

В это время послышался топот двух коней, кто-то подехал к кибитке и слез с коня.

— Счастливый кто-то подехал, как раз под горячую раку, хорошая эта примета, только везучим в жизни людям попадает такая случай... говорил наливавший раку.

Шумно сморкнувшись у дверей, приехавший вошел в кибитку. Это был Эрдне, хозяин кибитки.

— Халя, халя!.. Эрдне возвращается, здравствуй, здравствуй сынок, ну, как ездилось, была ли удача, — заговорили старики.

— Удача была и не была, такое на этот раз случилось, что едва душу унес, пусть ни с кем не случается такое, — отвечал Эрдне.

— Что же было, расскажи?

— Нет, вы лучше наливайте себе, а потом и мне разрешите, умираю от жажды, расскажу после, попросил Эрдне.

В это время вошла хозяйка, молча, приветливо посмотрела на мужа, приветствуя этим его возвращение из далекой дороги, потом взяла большую чашку с поставца, положила в нее пять-шесть ложек свежей сметаны и протянула старику.

Тот налил ей две кружки раки.

Она старательно взбила сметану в раке и подала мужу.

Эрдне благодарным взором взглянул ей в лицо, взял чашку и жадно начал пить.

Потом сняла Зандан крышку с большого котла, еще стоявшего на треножнике над потухающим очагом, и выловила оттуда варившуюся в кумысе жирную, соленую конину.

Часть мяса подала она Эрдне в большой, желтой, деревянной чашке, а часть подала старикам на крышке от котла и вышла продолжать доение коров, прерванное приездом мужа.

Старики выпили по одной чашке горячей раки, победитель получил свою вторую чашку и выигршную долю и принялись за мясо. Выпитая рака возбудила аппетит, а сваренная в кумысе солонина и так очень вкусна и потому все молча усердно работали челюстями. Навевшись мяса, еще выпили по чашке теплой раки, а остальное налили в берве.

Эрдне встал, прибрал котел и вышел расседлывать и треножить коней...

— Ну, отцы, теперь расскажу вам, что со мной случилось, начал Эрдне, возвращаясь в кибитку...

Было уже поздно, когда кончил Эрдне свой рассказ. Хотон давно уже спал. Царила напряженная тишина, лишь с Волги доносились крики ночных птиц, да вокруг кибитки пыхтели и отдувались сытые, отдыхающие коровы.

Большая киргизская стоянка затерялась среди обширной равнины Прикаспийской степи.

Была тихая, темная, летняя ночь. Изредка поблескивали далекие зарницы.

Стоянка давно спала.

Только в одной юрте слабо светился огонек. Там, на постели из мягких шелковых одеял, под пестрым шелковым балдахинном, уставленный подушками, полусядя лежал, больной чахоткой, манап Кадым, глава рода Кара-Цоккоров.

В эту ночь ему было особенно тяжело. Он дышал с трудом. Чувствовал, что настали последние дни, а может быть и часы.

В редкие минуты облегчений, каждый раз, поспешно, полушопотом, он спрашивал:

— Не едет Ахмед?..

— Нет еще, но теперь наверно скоро подедет, каждый раз отвечала ему его любимая жена, за кото-

рую в свое время заплатил он десять верблюдов и двести овец.

Около полуночи четверо верховых шагом под'ехали к манаповой юрте и слезли с коней. Хозяйка выглянула из юрты и крикнула в темноту:

— Кто там... это ты Ахмед?..

— Да, это мы — послышалось в ответ.

Услышав этот голос больной встрепенулся и радостными глазами уставился на дверь. Через минуту вошел в юрту небольшого роста, безусый молодой киргиз, за ним еще трое постарше его.

— Ну, как, достали? — не отвечая на приветствия вошедших, с тревогой спросил больной, впавшими глазами пытливо всматриваясь в их лица.

— Хорошо, господин наш, есть — ответил первый из вошедших, доставая из пазухи бешмета что-то завернутое в белую тряпку.

Глаза больного радостно засияли.

— Все ли целыми вернулись, где же наш брат Ахмед — спросила хозяйка.

— С Ахмедом, да успокоил его душу Аллах, случилось худо, его огнем из маленького куска железа, которую носят манапы — оруды, убил тот самый халмак, у которого мы взяли лекарство, — отвечал тот же молодой, разворачивая тряпку и протягивая хозяйке маленький, мягкий, черный комочек.

Услышав этот ответ, больной сморщил свое исхудалое лицо, часто заморгал высохшими глазами и по щекам его потекли слезы.

Он горевал по убитом брате, единственном взрослом наследнике его богатства в пять тысяч овец и три тысячи лошадей.

Хозяйка горестно вздохнула по Ахмеду, к которому должна была перейти после смерти мужа, осторожно взяла протянутую вещь, развязала ниточку на ней, взяла деревянную ложечку и влила в нее из сумочки темную, густую жидкость.

По знаку ее один из киргизов подошел и приподнял голову больному, а жена влила ему в рот жидкость.

Манап Кадым поперхнулся, протяжно замычал, с трудом и отвращением проглотил, широко открыл глаза, помотал головой и закашлялся...

Кашлял он долго, мучительно. Потом успокоился, лицо его покрылось испариной холодного пота, весь он ослабел, притих и, как будто, уснул...

Жена на цыпочках отошла от него, подошла к постели у другой стенки юрты и прилегла рядом со своим маленьким, спящим сыном.

Мужчины тоже тихонько вышли из юрты, поотвязали коней и, лавируя между всюду лежащими овцами и коровами, то и дело наступая на их свежий помет, разошлись по своим юртам.

Больной спал недолго. Проснувшись, начал еще сильнее кашлять, стал хрипеть, задыхаться и, к утру, умер...

1927 г. Апрель.

Любовь Самсонова.

(Прага).

В ДЕТСКОЙ.

Мы играем, будто в детской — море,
Необ'ятный, бурный океан.
Мощной шхуной служит нам
Старый, дедушкин продавленный диван.
Завоеваны несметные богатства:
Шоколад, бананы, ананас.
Груз везем на чудный остров Братства, —
Сложен там у нас уже большой запас.
Сторожит нам остров такс Атосик;
Он скучает (хочет с нами на диван),
Опустив печально черный носик.
В море носится, бушуя, ураган.
Неприступен остров наш скалистый,
Ловкий штурман, старший брат, спасет!
Два матроса напрягли все силы
И диван к столу отважно пристает.
Начинается дележ добычи —
Даже сторож такс получит свой надел.
У корсаров старых тверд обычай:
Будь отважен, справедлив и смел!
Утомившись, три матроса
Мирно спят на корабле,
Сторожит их сон Атосик,
Растянувшись на ковре.

Константин Поляков.

(Прага).

* * *

Посв. А. П.

Может быть пройдут столетия,
Наши дни подернет время плесенью
И забудут все на этом свете тех,
Кто в изгнании шел чужими весями.

Тех, кто в сердце нес страданья с мукою,
Для кого часы казались годами,
Кто, устав в борьбе с разлукою,
Ночью грезил степью, Дона водами.

Тех, кто жил в боях с толпой безликою,
Кто палаш в ножны года не вкладывал,
За свой угол, Войско Всевеликое
В степь бросал людей за валом, вал...

И никто не будет знать, кто похоронен был
В церкви ли, с крестом — с молитвою,
Или снегом вихрь в степи покрыв
Тело брошенное битвою.

Славу, доблесть, радость — звонкий смех
Замурует рок в стене веков наплывших...
Смерти зов холодный слышать
Доля каждого и всех.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Борис Кундрюцков.
(Белград).

ГОЛУТВЕННЫЕ ПЕСНИ.

О т е ц.

— Ну, скорее-ж, скорей... В беспредельную
Конь лети... Мое сердце — как пламя... [ширь!..
Там, в степи, с тяжким стоном отец-богатырь
Уронил в пыль Казачье знамя...
Бился долго, врагов отбивая один,
И стрелял, и колол, и... смеялся.
Был отвагою дикою страшен он им,
Даже с пулей, шутя, повстречался
И... свалился с коня весь в крови и в поту,
Затаивши жестокою муку...
— Сын святыню его подхватил на лету,
Отрубив дерзновенную руку...
Словно буря, степной ураган разметал
Посыгнувших схватиться за знамя...
— Умирая, отец что-то тихо шептал
И глаза его были — как пламя...

С ы н.

Сам — степного роду-племени
Бесшабашной гольдыбы...
И трухменочка на темени,
Руки смуглы и грубы...
Суеверный, безалаберный,
Вспыльчив, странен и жесток...
Шрам на лбу темнеет сабельный,
Неразлучен с шашкой бок...
За тугим ремнем заправленный,
К чекменю прижат пистоль,
— Им, когда-то обезглавленный,
Чей-то хвастался король...
Взнуздан крепкою уздечкою,
Конь угрюм, как вещий сон, —
В шашку острую с насечкою
Всадник бешено влюблен...
Сил могучих, Доном даденных
Непочатая сума...
Жемчугов за горсть украденных,
Что-ж петля? и... что-ж тюрьма?
Снимут буйную, что-ль, с плеч его
Пред ревущею толпой?
Только тут бояться нечего...
Разве ветер с головой?

Валентин Конопатський.
(Польша).

ІДЕ ПАН.

Іде той Пан,
Що будь не хоче вже погноєм.
Одягся у старий жупан
Й гартує дух перед запеклим боєм.
Козак іде новий,
Упевнений у силі, в перемозі.
Він на землі своїй
Спочинуть тільки може.
Козак України, Кубані, Дону
У власній хаті вільним є,
У нього шабля, кінь — усе своє.
Він любить рідний край і ним лише живе.
Дивись, Москва: іде той Пан,
Що будь не хоче вже погноєм.
Одягся у старий жупан
Й гартує дух перед запеклим боєм.
10-IV-1929 р.

Микола Оверкович.
(Прага).

* * *

Ще ніч сумна... Скінчився бій;
На трупи полягли прапори
В своїй скорботі самотній...
І зажурились гори.
Обвився тужно в мряку діл,
Ридає струмень десь з нудьгою;
На купках схолоднілих тіл
Вітрець цілує зброю...

Та все ж темряву рознесе,
Нарешті, ясний промінь днини:
Хтось цюю зброю піднесе,
Хтось стяги ці розвине;
Якісь местники прийдуть
Могутні і гнівливі;
І чийсь сльози упадуть
На ці лани журливі,
Тоді справдиться долі суд
На зграї переможців чорних —
Тоді полягли оживуть
У внуках непоборних!

На суд Казачества.

Предупреждаем: пишем эти строки не для противников „В. К.“; не для тех, кто ненавидит нас и утопил бы нас в ложке воды при всех и всяких обстоятельствах; не для тех, кто встретил нас злобным шипением при самом выходе в свет нашего журнала (тогда ведь никаких и ничьих „разоблачений“ не было!), —

а будем писать их прежде всего для В. К. и Казачества вообще, будем писать их исклю-

чительно затем, чтобы предупредить своих читателей о той провокационной работе, которая ведется ныне открыто некоторыми „покаявшимися“ (см. „Возрождение“ № 1490) молодыми людьми, не останавливающимися ни перед какими средствами и, вольно или невольно, но... сжигающими сейчас то, чему недавно еще сами поклонялись.

Та борьба нескольких „молодых казаков“,

которая увенчалась недавно „публичным“ выступлением против В. К. господина Глазкова и которую так охотно и услужливо подхватили все русские эмигрантские газеты („Руль“, „П. Н.“, „Возрождение“ и „Дни“), ведется, собственно, давно. Пара „младо-казаков“ с очень большими претензиями, но столь же малыми „дан-ными“, решила, что „В. К.“ будет или их, или его совсем не будет. Или мы, или никто; или мы господа положения в В. К., или мы его разрушим, — таково было решение этой „молодежи“. В конце концов представитель этой группы намеренно учинил скандал, после которого пребывание его в „В. К.“ стало совершенно недопустимым.

Началась борьба открытая. Появился на свет убогий листок „Казачья Земля“, который усиленно распространялся по тем же адресам, по которым идет и „В. К.“ Эффекта не получилось никакого, Казачество резко отвергло это покушение с негодными средствами и редактор и издатель этого „журнала-газеты“ очутились в полнейшем одиночестве. Это разозлило их окончательно, тем более, что одновременно они „потеряли“, кажется, „возможность“ издавать свой „орган“ дальше. Тогда решено было добиться „сенсации“. Собрали специальную аудиторию из противников В. К. (было около 40 человек) и... начали „разоблачать“. На свое несчастье, молодые, хотя и предприимчивые „политики“, немало „просчитали“, ибо так „передали кутті меду“, что даже и специально подобранная, во многом неказачья аудитория не поверила всей этой явной чепухе и была несколько „разочарована“, что отмечает даже такой наш „благожелатель“, как г. Варшавский (см. „Возрождение“ № 1492: „собрание отнеслось к докладу как то апатично“).

Тем не менее, русская эмигрантская пресса подняла бум и не преминула „лягнуть“. Но, разве до „выступления“ Глазкова отношение этой прессы к В. К., да и всему Казачеству было иным?

Ни в какую полемику с г. Глазковым по существу его „доклада“ мы вступать не намерены, ибо не верим в искренность и чистоту его намерений. Если бы такие намерения у него были, он выступил бы перед своей казачьей аудиторией, а не созывал бы неказачьих, заведомых неприятелей В. К., не сажал бы в председатели собрания лица, уличенного „В. К.“ в литературном плагиате (мягко выражаясь, — в присвоении себе чужого произведения).

Точно также, наперед и раз навсегда заявляем, что суда не боимся и в свое время, в своем месте и перед своей казачьей аудиторией дадим полный отчет в своей работе и в своих действиях, но на суд наших противников, как того хочет г. Глазков, на суд представителей „Последних Новостей“, „Возрождения“, „Дней“ и „Рулей“ — на такой суд мы „В. К.“ и работы своей не понесем.

И еще одно: мы не намерены скрывать достаем или недостаем средства на свою работу,

но скажем это только освобожденному Казачеству на своей земле... Мы поступим так, как делали это все народы, боровшиеся за свое освобождение: сначала исполним свое дело освобождения, а потом дадим исчерпывающий ответ своему народу.

А сейчас мы, ведь, тоже могли бы задать всем нападающим на нас, всем этим „К. З.“, „П. Н.“, „Возрожд.“, „Дням“ и „Рулям“: а откуда вы достаете свое „руно“?

Мы уже отметили, что председательствовало на глазковском „докладе“ лицо, имеющее некоторые основания быть недовольным „В. К.“ Можем прибавить к этому, что на самом „докладе“ наиболее полное одобрение г. Глазков получил от г. Г. Чапчикова, только недавно изобличенного на страницах „В. К.“ в слишком крутых поворотах своих убеждений. Если к этому добавить присутствие там еще некоторой полупьяной компании, кричавшей „бить их!“ и в конце концов не давшей докончить заключительного слова даже самому „докладчику“, то картина „доклада“ получится для всех ясная.

Г. Глазков кричит об „организационном крахе“ В. К. Но, это ведь думает так только он сам. И только. Но потому, что Глазков так думает, В. К. совсем не собирается „краховать“.

Весь свой „доклад“ г. Глазков построил на „неладах“ и „недоразумениях“ внутри В. К. — Были, есть и, вероятно, еще будут и недоразумения и шероховатости (не денежные, конечно). Когда были Глазков и его друзья — их было больше.

До того, как появилось В. К., казачья эмиграция представляла собою довольно пеструю картину группировок, настроений, убеждений... Но, вот встает В. К. и предлагает свою программу решения казачьего вопроса, программу ясную и определенную. Программа эта имеет успех (даже и Глазков не отказывает нам в этом). К В. К. обратились взоры всей казачьей эмиграции. Но, как и во всяком большом политическом деле, к В. К. пришли и приходят (наша задача, ведь, не только объединить уже вольных казаков, но и все Казачество сделать вольными казаками) люди разных возрастов, разной политической и общественной подготовки в прошлом (что особенно понятно у казаков, так мало в прошлом живших политической жизнью), люди — с разным пониманием задач и целей В. К. Ясно, что нужно некоторое время, пока все это выровняется. Это естественно и законно. И ничего опасного или страшного в этом нет. В. К. растет и растет хорошо. И не страшны ему никакие „шероховатости“. Скверно в таких случаях бывает только тогда и там, где есть злая воля. В таких случаях нужно скорее освобождаться от „носителей“ такой злой воли и уж если борьба неизбежна, то пусть она будет лучше открытая, чем внутренняя, сердцечивая.

Вот и в данном случае с Глазковым и его друзьями — конечно, „недоразумения“ были неизбежны, как неизбежны они везде там, где при-

дут вот такие „молодые“ люди с темпераментом, несколько несоответствующим их способностям и умению владеть собою, люди, работать не умеющие, а командовать и распоряжаться готовым весьма охочие... Придут и предъявят „претензии“. Конечно, следуют „шероховатости“. Но, что из этого значит? — а значит из этого ровно столько, что таким господам Глазковым нужно указать их место или и „расстаться“.

По глазковски это крах. А по нашему это ровно ничего не значит.

Много внимания уделил „докладчик“ „шероховатостям“ денежным. Интересно бы спросить его: почему такие „крикуны“ выступают со всеми своими „разоблачениями“ только тогда, когда их „уйдут“? Это, конечно, самый легкий, демагогический прием, но... и лавры дешевые! Ложью В. К. не поборете.

В правильности программы и идеологии В. К. не отказал нам все же и „докладчик“. Вот потому, что программа В. К. правильна и идеология его отвечает действительным интересам Казачества, не страшны ему никакие „выступления“ Глазковых! Ведь весь его „доклад“ можно было бы формулировать одним единственным предложением: „идея хороша, но нехороши люди, стоящие во главе ее; вот если бы я там был, — все было бы прекрасно“. Мы можем только отметить здесь, что в деле создания и формулировки идеологии В. К. за Глазковым никаких заслуг не числится.

Как пример лжи и намеренного перекручивания „докладчиком“ фактов отметим здесь особенно некоторым корреспондентам понравившуюся часть доклада о „казацком кулаке“.

Но, раньше один вопрос: разве кто может быть абсолютно гарантирован, что его не укусит бешенная собака, или какой либо сумасшедший не ударит сзади так и тогда, когда этого меньше всего кто ожидает? Так вот, подобное имело место и у нас 17 декабря. О диком поступке г. К. (приятеля „докладчика“) никто ничего не скрывал, его осудили резко и категорически. Точно так же осужден он был и той „фракцией“, к которой принадлежит и г. Глазков. Тогда же делегация от этой фракции в составе двух человек, в том числе и самого Глазкова, в присутствии свидетелей подчеркнула то и „официально“ выразила свое сочувствие потерпевшему и заявила о своем осуждении виновнику безобразия. Вот и все. А во что и в какое бахвальство разрослась эта гнусность через пол года, читатели видят из „доклада“ сами. Люди, которые хвалятся такими вещами, недостойны быть в среде В. К.

На чью мельницу льет воду г. Глазков? Кому нужно было его „выступление“? Кому интересно было бы ослабление В. К.? — Прежде всего, конечно, тем, против кого борется В. К., тем, кто в железных тисках красной диктатуры держит несчастные наши Края. Это — там. А здесь, посмотрите, как захлебнулись от радости, что у „самостийников развал“, все русские эмигрантские газеты: „Последние Новости“, „Возро-

ждение“, „Руль“ (Когда пишутся эти строки, не получен еще очередной номер „Дней“, но, больше чем вероятно, что и г. Керенский не пропустит столь „удобного“ случая). Можем подчеркнуть здесь одну „пикантность“: обе „корреспонденции“ из Праги о „докладе“ (и в „Посл. Нов.“, и в „Возрожд.“) писаны „иерусалимскими казаками“: и С. Варшавский и Д. Мейснер — оба из „наших“. Это перед ними г. Глазков шельмовал деятелей В. К.

Ген. Деникин и его окружение когда то (1919), когда все казаки были на фронте против большевиков, говорили (и делали!), что лучше большевики, чем самостийники. А сейчас мы лишний раз только можем убедиться, что по отношению к Казачеству позиция и отношение, все равно Керенских, Милюковых, „Рулей“ или „Возрождения“ ровно ничем не отличается от позиции московских большевиков.

В то время, как над Казачьими Землями царствует жесточайший террор, в то время, как Казачество там варварски истребляется, здесь господа из „Дней“, „П. Н.“ и „Возрождения“ стоят на дыбы, скрежещут зубами: „изменники!“ при одной мысли об освобождении Казачьих Земель из под красного ига. Снова деникинские: лучше пусть уничтожат вас большевики, чем самостийность и освобождение. Мы еще раз обращаем на это внимание всего Казачества.

Будем называть вещи своими именами. Своими последними выступлениями против В. К. и „П. Н.“ и „Возрождение“ дают моральную поддержку большевикам в деле разгрома и уничтожения Казачества. Но пусть знают все единородимцы и тут и там, что чем большим гонениям подвергается какой либо народ, тем скорее зреет его национальное самосознание.

Когда несколько десятилетий тому назад началось современное украинское национальное движение, те же или такие же русские, какие и сейчас сидят в „Рулях“, „Днях“, „Посл. Новостях“ и „Возрождениях“ с еще большим остервенением набросились на деятелей его, ругали и кричали: „изменники“, „предатели“, в народном движении к национальному возрождению „видели“ чью-то, непременно иностранную „интригу“ и пр. и пр. Теперь с украинским движением многие помирились, Украина есть.

С теми же самими „аргументами“ набросились они сейчас на казачье освободительное движение. Те же крики об „измене“. Кстати, можем еще раз напомнить тем, кто этого не знает, что казаки присягали своим Конституциям и своим Краям. Им не изменяли и не изменим.

С Милюковыми или Керенскими мы можем быть и еще „встретимся“, но смеем думать, что казаки поверят больше нам, чем им. Тот, кто поносит сейчас В. К., — поносит все Казачество. У всех этих Мейснеров и Варшавских слышится „негодование“ не только в адрес В. К., но и в адрес всего Казачества, рискующего „сметь свое суждение иметь“. Так метали „громы и молнии“ на Раду в 1918—1919 г. г. всячески Соколовы из „Особого Сопещания“. Ныне мечут их из

„П. Н.“, „Возрожд.“, „Дней“... — Делайте господа, так и впредь: вы нам поможете раскрыть ваше истинное лицо перед лицом всего Казачества, а тогда успех В. К. обеспечен полностью.

Из „Посл. Нов.“ и из „Возрожд.“ теперь уже все знают, что думают о В. К. Мейснер и Варшавские. Из тех последних писем в ред. „В. К.“, которые мы помещаем ниже, в отделе „Дум и мыслей“, наши читатели увидят, что думают о В. К. казаки. Мы считаемся и будем считаться только с этими последними.

Говорят, что возможны еще и другие „вы-

ступления“, что Глазков и его друзья решили „взорвать“ В. К. во что бы то ни стало. Взорвут-ли? — мы предоставляем ответить на этот вопрос прежде всего самим казакам, т. к. считаем, что если В. К. не нужно Казачеству, то, конечно, его можно легко разрушить, если же В. К. Казачеству нужно, то его никакие Глазковы не взорвут. Мы верим в это последнее и поэтому ввязываться в слишком живую полемику по поводу всяких лживых „разоблачений“ не намерены. Пусть хоть глотку себе перекричат, — им, ведь делать больше нечего, — а мы спокойно и уверенно будем идти своим путем.

А. Б. Крыгин.

Казачьи пути.

В начале 18 столетия Петр Великий за то, что донцы, во главе с Атаманом Булавиным, отстаивали свои насущнейшие и законнейшие права, учинил над ними чудовищную расправу, уничтожив совершенно значительную часть казачьих станиц-городков. Многие тысячи донцов были казнены, многие, как и мы в настоящее время, принуждены были бежать с Родины в чужие края.

В 1917 году, когда Дон, после революции, восстановил у себя насильно отнятые у него институты Войскового Круга и выборного Войскового Атамана и возродил свою старую автономию, социал-революционер Керенский объявил Донского Атамана Каледина бунтовщиком и мобилизовал против донцов два военных округа.

С первого же момента прихода к власти „рабоче-крестьянского Правительства“, оно также организует жесточайшую борьбу с казачеством, ибо „казачий фронт (по выражению Троцкого) гораздо важнее фронта немецкого“.

Эти три исторических явления, из коих два последних отделены от первого двухвековым промежутком, имеют одни и те же цели и одни и те же психологические истоки.

Замечательно, что такое трогательное единство методов проявилось у государственных людей, стоявших на совершенно противоположных полосах политического и социального мышления, ибо что может быть общего между абсолютнейшим монархом Петром I, социал-революционером Керенским и, наконец, Лениным и Троцким с их „рабоче-крестьянским“ правительством?

Всеми руководила одна цель, красочно выраженная кн. Долгоруким в его докладе Петру Великому: „расправу с ними (казаками Донцами) сделать, чтобы и впредь им нельзя было не токмо делать, но и мыслить“...

У одних, других и третьих одинаково стояло на пути их политических и социальных экспериментов крепко сплоченное, мощное духом, самобытно государственное, свободолюбивое Казачество.

В годы нашей борьбы с большевиками казачьи интеллигенты-единонедельники нас убеждали, что не с русским „братским“ народом мы ведем борьбу, а с Бронштейнами, Розенфельдами и Третьим Интернационалом. В первое время, к стыду нашему, мы верили. Но когда казачий народ воочию увидел, кто издевался над их женами и детьми, кто сжигал их живьем в запертых домах, обложенных соломой, кто вытаскивал у живых казаков языки и прибывал их гвоздями к подбродку, кто разорял и грабил казачьи станицы, тогда казачество поняло, что на него навалилась Великокурская стихия, настоящая, неподдельная, кондовая Русь.

Казачество поняло тогда, что выставка Петром в Черкасском городке засушенных голов донских Атаманов Булавина и Зерщикова, развеивание сожженного праха казака Корнилова в Екатеринодаре, расстрел

Атамана Назарова и его сподвижников в Новочеркаске — суть явления одного порядка — „расправиться так, чтобы и впредь им нельзя было не токмо делать, но и мыслить“.

Так было, так есть, так и будет, ибо корни этих явлений лежат в глубинах народной души — казачьей и великорусской, в разнице двух мирозерцаний, в глубочайшей непримиримости двух психологий.

Так было, так есть...

И казачеству об этом надлежит подумать и сделать соответствующие выводы.

Удивительная политика по отношению казаков со стороны сначала Москвы, а затем и Петербурга. Московские цари, а затем и императоры ценили казачью военную силу и пользовались ею во всю при всяких критических обстоятельствах в вопросах внешних и внутренних.

В Отечественную войну, в Крымскую кампанию казачество мобилизовалось поголовно. Центральное правительство отлично учитывало ценность казачества, как боевого материала, но и эксплуатировало его дешевицу ибо снаряжение казачьей армии ему ничего не стоило. „Дешевая“ армия выполняла, между тем, свою задачу великолепно, что признано не только российской властью, но и такими авторитетами как сам Наполеон.

Но ни неисчислимы жертвы, понесенные казачеством на протяжении трехвекового сожительства его с Россией, ни высокоценные заслуги его не дали ему гарантий против той подозрительности, которая красной чертой проходит через всю политику центральной власти, против того недоверия, которое плохо было прикрыто хвалебными, но неискренними манифестами императорского периода, ибо одна рука писала эти ласковые грамоты, а другая неукоснительно протягивалась к казачьим вольностям к казачьему укладу с целью остричь его под одну, общероссийскую гребенку.

Россия состояла из двух главных социальных пластов: рабовладельцев-помещиков и рабов-крестьян.

Первые, класс правящий, верили в провиденциальное назначение России, были одержимы великодержавной идеей, сугубо империалистическими тенденциями и мечтали о государстве от океана до океана, о создании мировой державы. Идея эта, восходящая в своих истоках ко временам первых собирателей Руси, казалась, наша себе осуществление и подтверждение в головокружительном расширении географических границ. Понятно, что правящий класс, окрыленный таким внешним успехом, не мог переварить, чтобы где то на окраинах Империи какие-то казаки „смели свое суждение иметь“, жить по своему укладу, иметь какие то права, привилегии и вольности, каких нет у великодержавного русского народа. И тем обиднее им казалась такая, с их точки зрения, аномалия, что казаков они считали (с легкой руки некоторых историков) теми-же холопами, только бежавшими когда то от своих

владельцев. Отсюда так понятно стремление к ликвидации казачьих вольностей.

Не было к казакам доброго чувства и у российских низов. И не могло быть.

Вольное казачество, о свободной жизни которого создавались сказки, вызывало в российских рабах чувство зависти, а потом, как неизбежное, и чувство ненависти. Как немощный сильному, как евнух мощному и мужественному, так завидовали русские рабы вольному казачеству. А затем использование казаков правительством при усмирении крестьянских и рабочих бунтов довело эту ненависть до наивысшей степени напряжения.

И в дореволюционное время мы чувствовали антагонизм, существовавший между двумя стихиями, казачьей и русской, но в революционный период, особенно во время борьбы с большевиками он предстал перед нами во весь рост.

Но не только там, на русской территории, мы его наблюдаем и остро ощущаем здесь, в эмиграции, где, совершенно распоясавшись, он на каждом шагу дает нам себя знать.

Многие казаки его испытали на себе в сношениях с российскими заграничными организациями. Разве казаки не чувствуют, что и в эмиграции они окружены атмосферой недоброжелательства со стороны в особенности российских руководящих кругов? Разве вы найдете место на страницах русских газет по казачьим вопросам? Нет.

Изменники... Это те, кто встал от мала до велика на борьбу с большевиками, кто потерял родных и близких убитыми, расстреленными, сосланными в гиблые места, кто нищими ушел за границу и здесь, каторжным трудом добывая себе кусок хлеба, ждут момента, чтобы снова стать на борьбу за свободу своего народа.

Казаки-изменники... Это те, кто, как уральцы напр. истреблены почти все, кто, как доицы, потеряли во время борьбы 50% своего боевого состава.

Так было, так есть...

Послушайте, что говорят и что думают в различных кругах российской эмиграции в Париже.

Когда на собрании в память Каледина донской представитель в своей речи чуть-чуть, только слегка коснулся старых казачьих ран, тех несправедливостей, которые практиковались по отношению казачества, — нынешний глава белой армии, ген. Кутепов, встает и вместе со своим окружением демонстративно покидает собрание.

Нужно заметить — впрочем, без удивления, — что некоторые „петербургские“ казаки из стародонской старшины сделали то же.

В других, Марковского типа, правых кругах, злобно шипят: „Какое там казачество, какие там атаманы? Все уничтожим. Будут, как всюду в России, губернаторы и баста!“

В кругах либеральной и радикальной интеллигенции — Р. Д. О. и Р. Ц. О. — просто решают: „Никакого казачества нет, и восстанавливать его никто не намерен“. Что касается социалистических кругов, там те же взгляды и тенденции.

Кто читал злобно шипящие статьи „Дней“ по поводу вопросов, затронутых „Вольным Казачеством“, тот отлично поймет, что мобилизация двух округов в Калединское время против Дона явление не эпизодическое: оно имело, как мы сказали раньше, предпосылки в нескрываемых глубинах российской психологии.

Изменники... „Видеть не могу я казаков“, говорит один бывший камергер: „помилуйте, у меня в Херсонской губ. чудное имение в 200 десятин — и вот, я, по их милости, скитаюсь нищим за границей“.

Глупо, но характерно — казаки-де могут все, казаки могли бы победить и большевиков — нужно им было только захотеть, а они не захотели, и камергер потерял имение.

И камергерский взгляд не единичен. Такого мнения держатся верхи русской эмиграции. И это не случайно. Ведь посылал же Павел I казаков завоевывать... Индию! Что это была верная гибель посланным — не важно: войско дешевое...

Ведь бросали же казаков во время войн на самые рискованные дела, ведь разбирали же казачьи полки к себе в охрану и в услужение так, что оставался один командир да адъютант со знаменем... Казачья дешевка все может — и церемониться с ней нечего.

Казачество увидело сейчас, что трехвековое сожительство с Россией к добру не привело. Никакие жертвы и заслуги на пользу Великой России не спасли его от подозрений, ненависти и грубейшего нарушения его исконных устоев.

И Казачество ищет новых путей для устройства своей жизни. Англичане говорят: „допустивший раз себя обмануть — ошибся; кто допустил себя второй раз обмануть, тот дурак.“

Казаки не хотят ошибаться второй раз. Для них ясно сейчас, чего можно ждать в будущем для своих Краев от российской центральной власти, какого бы цвета и типа она не была.

Все говорит за то, что в будущем станет хуже, чем было в прошлом, ибо отрицательное отношение к казачеству выродилось в ничем уже не прикрываемую, совершенно откровенную злобу.

Удивительно, что некоторые казачьи интеллигенты из кругов, претендующих на руководство, учитывая совершенно правильно обстановку, ставят в то же время оптимистические прогнозы. „Мы“, говорят они, „правильность предпосылок „Вольного Казачества“ понимаем, но тенденций его не одобряем, ибо в будущем старое не повторится, все станет не по-прежнему, а лучше“. Что это — наивность или дипломатическое лицемерие?

„Конечно, мы понимаем-де, что дважды два четыре, но надеемся, что потом станет пять“... Хороша логика!

„Все будет лучше!“ — Как это старо и смешно, если бы не было так грустно. И раньше некоторые „вожди“, не считаясь с действительностью, тоже думали: „достаточно сделать революцию, и все будет великолепно: Маниловы сделаются реальными политиками, Собакевичи перестанут наступать на ноги, Хлестаковы будут прекрасными премьер-министрами и даже верховными главнокомандующими, а русский народ-богосносец выявит все черты своей ангельской души“...

Другие, отвращая от искания новых путей, устрашают казаков тем, что это может не понравиться сильному соседу.

Не мало у „вождей“ и молчаливства. Впрочем, путь молчаливства — путь не новый. Старая донская старшина двести лет шла по этому пути и поставила казачество в такое положение, что от него остались, только „рожки да ножки“, а сама в большинстве расказачилась, получив за „работу“ тридцать сребренников в виде земель и прочих „удобий“.

Удивительна во всем этом вопросе та негерпимость и злобность среди российских кругов, которую они проявляют по отношению к казачьим исканиям выхода из создавшегося положения. В особенности удивительна эта негерпимость в данный исторический момент, когда никакой России не существует, а заменена она какой то Триэсэрией, когда будущей вождемемой возрожденной Великой России еще и в зачатке не видно и когда она появится — неизвестно.

Казалось бы нужно сочувствовать и помогать людям, когда они ищут способы освободить свои Края из под большевицкой тирании.

Нельзя не порадоваться за одного человека, когда он вырвался на волю из большевицкого ада. За десятков освободившихся мы радуемся в десять раз больше, а если освободятся миллионы...

Такое чувство диктуется простым гуманитарным соображением. Но, есть соображения и другого порядка. Представьте себе, что казачеству юго-востоку удалось осуществить свою мечту — освободиться от большевиков, организовать независимое государство. Разве русские антибольшевики от этого не выиграют?

Поверьте, господа хорошие если бы на такой же путь стала Сибирь или Пензенская, Воронежская губернии, все сочувствие казачества было бы на стороне этих частей бывшей России — и это не только из гу-

манитарных, но и из собственных государственных соображений.

Нужно правду сказать, что все методы борьбы, намечавшиеся и намечаемые (впрочем, не более как только на словах) в течении нашего восьмилетнего пребывания за границей различными российскими заграничными группировками и — все эти методы провалились и проваливаются безнадежно; что эти методы дальше пустой фразеологии не пошли; что они привели к дроблению русской эмиграции на мельчайшие группировки; что разные эти Р. Д. О., Р. Ц. О. и иные прочие „организации“ по существу состоят из десятков лиц, произносящих время от времени нудные, никому не нужные, безнадежно надоевшие и самим их авторам речи; что в конце концов, отличительной чертой всей русской эмиграции сейчас является тоска, уныние и отсутствие веры в какие-либо реальные возможности в обозримом будущем; что никто в России никого из эмиграции, никаких варягов, знать не желает и не пожелает; что внутренние процессы, на которые рассчитывали иные мудрецы, затягиваются на бессрочное время, что при оценке длительности этих процессов, принимая во внимание характер великорусского народа, поневоле приходит к мысли аналогия с процессами во времена татарского ига, продолжавшаяся двести лет.

Наконец, никто, ведь, не знает, а прежде всего г. г. „вожди“, как же практически, по деловому они думают свергать советскую власть. Одним криком из-за границы не разрушить советского Иерихона. А других методов мы у них не видим.

Взрывом изнутри?.. Да есть ли у великорусского народа воля к борьбе с большевизмом? Русский народ принял большевизм по доброму желанию. Спорить против этого утверждения нельзя. Не только он его сам принял, но и силой его навязал казакам.

И ныне, несмотря на уверение российской печати, что народ ненавидит большевиков, что он готов от них избавиться, мы ясных признаков такого настроения великорусского народа не знаем, ибо никакого в этом смысле проявления активности у него не видим. Только в Казахских Краях и вообще на окраинах — Белоруссии, Украине, на Дальнем востоке (тоже главным образом, среди казаков) враждебность к советской власти проявляется активно. В Великороссии этого нет. Там большевизм или приемлют или рабски ему покоряются.

Учитывая все это, мы, казаки, хотим идти другими путями. Точка приложений наших освободительских усилий — Наши Края. Она определена. Она уже все-русской, а потому реальнее.

Нам говорят: „Вы — русские люди, вы часть России, вы — не особая нация, а поэтому ваше стремление устроить свою жизнь по собственному плану, отличному от того, который мы мыслим для будущей России — не допустимо исторически, юридически и как хотите“.

Не будем спорить по вопросу о казачьей национальности. Станем на вашу точку зрения, г. г. российские люди, хотя считаем нужным оговориться, что, не отрицая в казачьей крови некоторой доли элемента русского, не нужно закрывать глаз на то, что Казачество включает в себя огромную долю и других кровей.

Здесь не место для экскурсий в область исследования вопроса о национальном происхождении Казачества: это дело специальной работы. Посмотрите просто на казачьи фамилии: Туркины, Черкесовы, Кубековы, Дархановы, Мурзины, Татаркины, Калмыковы, Поляковы и проч.; возьмите названия казачьих поселений: Нагавские, Курманы, Чирь, Мурзавецкие и проч. и вы увидите, что казачество является производным от многих народностей — главным образом от горцев Кавказа и тюрко-татарского племени. Но дело не в этом.

Никто не станет отрицать наличия северо-американской нации (Соед. Штаты). А по существу это те же англо-саксонцы, что и англичане. Выходцы из Англии и положили начало этому народу. И вот эти англичане, бывшие британские колонисты, отделились от своей бывшей метрополии и создали новое государство. Ясно, что выработанные в новых условиях особый уклад жизни, особая психология не могли мириться с политическими и социальными формами бытия старой Англии.

Живут в Бельгии французы; однако они не хотят сделаться подданными Франции и считают себя бельгийцами. То же в Швейцарии. Есть здесь немцы, но они не идут под власть Германии, а предпочитают остаться швейцарцами. Таких примеров сколько угодно. Дело не в расовых особенностях, не в географических границах. Дело в идеологии, психологии и быте. И эти границы значительнее и реальнее границ физико-географических.

Трехвековое сожительство с Россией показало, что на нынешних началах Казачество существовать не может. Оно должно или умереть или искать новые пути к самоустройству. Умирать Казачество не желает. Воля к жизни у него сильнее сейчас, чем когда либо. И потому оно ищет новые пути. Этот путь самостоятельное устройство своей судьбы.

Трехвековой опыт показал, а события последних лет подчеркнули ту психологическую разницу, какая существовала всегда между стихией казачьей и российской.

Казачество в течении многих веков выработало особый уклад жизни, приобрело навыки к подлинному демократическому самоуправлению, к государственному порядку, к умению пользоваться свободной, т. е. иметь в наличии те данные, которых нет ни у российских верхов, ни у низов.

Наличие вышеуказанных качеств — и государственности и порядливости в свободе — и глубочайшего различия в этом отношении между великоруссами и казаками признали и подчеркнули одновременно и „красные“ и „белые“.

Что может быть показательнее в этом отношении слов Троцкого: „Казачий фронт важнее немецкого“? В этих словах глубокий смысл. Ими ясно и определенно подчеркнута разница между двумя стихиями — казачьей и великорусской. И подчеркнута совершенно правильно, ибо великорусский народ, принявший коммунистическую власть, с таким увлечением и ожесточением навалился на казачество только потому, что видел в нем врага большего, чем немцы. Думается, что если бы в борьбе с казачеством — несомненно исход внешней войны для негр был бы другой.

Столь же определенно признали эту разницу стихий казачьей и великорусской и Корнилов, и Алексеев, и те тысячи русских людей, которые, покинув свои родные российские очаги, искали спасения от своего народа в Казахских Землях. Спрашивается, почему они не бежали в Тамбовскую, Пензенскую, Рязанскую губернии? Они были уверены, что у казаков они найдут и порядок, и приют, и хлеб, и защиту, и дисциплинированную, государственно мыслящую массу, т. е. как раз то, чего, как они верили, нет у великорусского, анархистического по натуре, народа.

Теперь это недалекое прошлое забыто, и русские люди — искренне или нет — уверяют, что казаки — это те же великоруссы. Но мы то этого прошлого не забыли, не забыли и не забудет его история, ибо на ее страницах это прошлое записано обильно прелитой казачьей кровью.

Нет, милые люди, устраивайте вашу жизнь как хотите, но не вмешивайтесь в наше дело, как не желаем мы вмешиваться в ваше. Не хотим мы быть ни рядовыми для посылок у кого бы то ни было, не хотим быть и жертвою вечернею.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Ис. Быкадоров.

Происхождение казачьих фамилий.

(Из материалов о происхождении казачества).

(Окончание)

Известно, что Московское государство волжским казакам (отрасли донских) еще в начале XVII ст. писало грамоты на татарском языке. Пополнение Казачества в XVI—XVII в. в. шло значительно больше от тюркско-татарских народов, чем от великороссов, не говоря уже об украинцах (черкасах). Наконец, говорить по-татарски у донской старшины конца XVIII в. и начала XIX в. было признаком хорошего тона, как у русской аристократии того времени — говорить по французски.

На основании сказанного мы можем утверждать, что фамилии, основой которых служат тюркско-татарские слова, могли образовываться у самих казаков, и не являются обязательно принесенными (т. е. что предки их были выходцами на Дон); но они все, безусловно, древнего происхождения.

Такие характерные фамилии, как Колиманов (измен. Коломан-ов), Аркашарин (существовавшие у донских казаков в первой половине XVIII в.) и Каледин указывают на преемственность фамилий у казаков издревле. Коломан и Аркашара одни из предводителей черных клубков (поднепровских черкасов) XIII в. Имя Коломан встречается еще и раньше. Каледа один из предводителей поднепровских черкасов начала XV ст. Как известно, украинский народ и особенно с поднепровья (черкасы) явились значительным элементом, дополнявшим донских казаков при возникновении Вольного Казачества, а после являлись главным источником пополнения его.

Фамилии, происшедшие от славянских слов иногда дают возможность установить происхождение предков носителей их.

Так, предки обладателей фамилий: Кравцов, Швецов, Лимарев, Ковалев, Чеботарев, Мирошников, Осипов, Остапов, Астахов, Гусельщиков, Грецыхин были, безусловно, черкасами.

Но, нет данных утверждать, что предки, носящих фамилии Кузнецов, Саложников, Ведерников, Мельников, непременно, были великороссами; эти фамилии могли образоваться и на Дону.

Есть у казаков фамилии, происходящие от слов, определяющих иногда национальность, чаще социальное положение, род занятий и т. д.: Воеводин, Бояринов, Бударщиков, Пушкарев, Барабанщиков, Рындин (рында — княжеский или царский телохранитель — паж). Но было бы ошибочным считать, что фамилии Воеводин и Бояринов произошли от беглых боярина и воеводы московских (это было бы скрыто бежавшим). Можно полагать с достаточным основанием, что они происхождения, новгородского, когда в конце XV и в первой половине XVI в., после московского разгрома Новгорода и Вятки, на Дон бежали (эмигрировали) к казакам представители и высших сословий В. Новгорода — и бояре, и воеводы, и купцы и духовенство, спасая свои головы от московской плахи. Такая фамилия, как Барабанщиков, не устанавливает великорусского происхождения владельца ее — в Московском государстве во второй половине XVII в., когда заводились войска „иноземного строя“ ими были как раз немцы.

Имеется много казачьих фамилий, происходящих от магометанских имен: Алимов, Сеимов (Усейн, Сеим) Киреев (Гиреев), Измайлов, Темирив и т. д. Предками носящих такие фамилии были, безусловно, лица исповедывавшие ислам — или татары, или турки, или черкесы, или, наконец персы; но какой точно народности решить невозможно.

Едва ли не большинство казачьих фамилий в настоящее время, как и в XVII—XVIII ст. в сравнении с другими, если их разбить на группы, происходят от православных имен.

Как известно донские казаки (как и другие казаки) были издревле православными; у донских казаков с 1261 г. до конца XIV в. существовала своя особая Подон-

ская (или Сарайская) епархия с пребыванием епископа в столице Золотой орды, г. Сарае. Сильно пополнившие ряды Казачества новгородцы и черкасы были также православными. Наконец, и предки донских казаков славяне (руссy) и казахи (казаки), жившие в Казакии и Тмутараканском княжестве еще с IX в. были православными.

Таким образом, образование фамилий от православных имен было, безусловно, обычным у самих казаков и было весьма древним.

Многие казачьи фамилии, известные по документам второй половины XVI в. сохранились и до настоящего времени; многие уже не встречаются, но это не значит, что не осталось потомков таких казаков.

Очень часто одна фамилия заменялась другой. Если было две семьи или несколько одной и той же фамилии, то новая получала фамилию по имени старшего представителя — или его личному прозвищу, характерному признаку. Когда не было письменных документов фамилии терялись, а прозвища или имена старших в семье закреплялись, как фамилии. Так образовались фамилии — Косоротов, Рябов, Долгов, Курносков, Шкур(а)ин, Желтоножкин, Востров, Култышкин и т. д. Сами по себе они не характерны, но первоначально они были дополнением к фамилии. Такие „уличные“ фамилии, которые уже не могли закрепиться вследствие существования письменных документов, образовывались у казаков до последнего времени.

Но фамилии от православных имен могут скрывать предков любого национального происхождения. При вступлении в ряды Казачества не казака и не христианина, особенно малолетнего, он приобретал иногда фамилию крестного отца. Так, потомки выкреста цыгана, ставшего казаком, не обязательно обратились в Цыганковых, они могли обратиться и в Васильевых, Поликарповых, Петровых, если такое имя носил крестный отец родоначальника. Иногда получали фамилии по имени и вступившие в ряды Казачества греки, что было нередко. Так, греческие купцы, разделявшие с донскими казаками тягость „Азовского сидения“ в 1641 г., были все приняты в казаки. От грека Яна пошла фамилия Яновых (ошибочно считать ее польского происхождения); от Максима Грека — Грековы и от одного из них — Корольковых („королек“ — серебряная монета того времени, бывшая в употреблении у казаков и турок, иностранной чеканки, с изображением малолетнего короля — „королька“). Все остальные греки получили фамилии по именам (отцов, дедов); так значатся они в документе.

Казалось бы, обширный материал должны были дать списки казаков Зимовых станиц (посольств с Дона в Москву), сохранившиеся в делах Московского Посольского Приказа, но в них, в действительности, нет фамилий. Во взаимоотношениях Дона и Московского государства было принято: Московский царь в грамоте не называл обычно фамилии Донского атамана, а только имя и отчество его (Осип Петров); это было особым почетом; обратно, и Донское Войско не ставило фамилии атамана в отписках Московскому царю, а только имя и отчество. Эти грамоты и отписки являются главным материалом для истории, и мы до сих пор не знаем фамилий таких донских атаманов как — Ермак Тимофеев, Осип Петров, Наум Васильев, Яковлев и др. Тимофеев, Петров и т. д. являются отчеством, а не фамилией; потомки этих атаманов живут не под этими фамилиями, а теми, какие имели в действительности эти атамань.

В списках состава Зимовых станиц XVII ст. фамилии также не показаны (важность состава станицы), а лишь имена и отчества.

Имеются у казаков фамилии и от женских имен и женских названий (Сидоркины, Гапкины, Сидорины, Дьячихины, Ясыркины и т. д.).

Эти фамилии образовывались таким порядком — если пленник или выходец женился на природной казачке, то потомство получало фамилию по имени матери, мог принять фамилию по имени матери или по характерному признаку ее и ребенок если отец его был неизвестен.

Очень много фамилий у казаков от названия, того или иного, духовного сана (Дячкины, Поповы и т. д.). Особенно распространена фамилия Поповых у донских казаков. Назвать фамилию Попова на Дону — ровно ничего не сказать.

В Донском Кадетском корпусе к таким фамилиям присоединяли еще и №; у приготовишек, или перво-классников у Поповых бывали №№, обычно, превышающие 2 десятка.

Известен такой анекдот, имеющий историческое основание. После занятия союзными войсками Парижа в 1813 г. Донской атаман гр. Платов представлял на смотр импер. Александру I казачьи полки.

Последние в то время не носили №, а назывались именами командиров полков. Во время прохождения в конном строю полков, атаман гр. Платов среди других, будто бы, назвал: „Полк Дячкина... Дячкина, Дьякова... Дьяконова... Попова 8... Попова 12, Попова 13, Протопопова... полк Апостола. Когда был назван последний полк, Александр I, будто бы, спросил: „А где же полк Иисусов?“ На что Донской атаман ответил: „Не успели сформировать: война кончилась“. Часть указанных фамилий действительно носили командиры казачьих полков, другие встречаются среди офицерских фамилий 1812-13 г., как устанавливается это документами.

Фамилии такие могли образоваться еще во время вхождения новгородцев и вятчан в ряды казачества, но лично я ни в одном из исторических документов до середины XVII ст. не встречал фамилии, происходящей от духовного сана. Вероятно, они образовались на Дону после эмиграции великороссов после духовного раскола, единственного периода, когда вхождение в ряды казачества их было, более или менее, заметно.

Возможно, что предками носящих эти фамилии были великороссы, хотя я встречал казаков, носящих фамилию Поповых, во всем сземестье которых был резко выражен тюркско-татарский тип.

Из этого необходимо сделать исключение и добавление. Фамилия Апостолов (редкая на Дону, — один род), безусловно, украинского происхождения.

В. П. Елисеев (В. Петров). (Румыния)

Песни и песенки.

(Окончание).

Прошли не месяцы, а годы... Прошли три года „великой войны“, год „безкровной русской революции“ — „товарищеский год“, прошли целых три года „кровной революции“ — „бело-красной войны“, а на кургане все не собиралась „улица“ и не играла своих веселых казачьих песен. Курган стоял все время одиноко. Стоял позабыт, молчалив и печален. Иногда только топтали его никогда невиденные им чужие люди, сердитые, злые люди, вкатывая на него забрызганные грязью страшные пушки, и, что было мочи, лупили из них по хутору. Иногда и бросали их на кургане...

Не песни пел тогда хутор, а служил панихиды. Много было хуторскому батюшке тогда работы...

И, несмотря ни на что, я все же упорно ждал... Ждал их, песен...

...И дождался. Но только не их, с протяжным напевом хуторских песен, а ялтинских „песенок“ „частушек“ („Ялга“. Помнил это слово по прописи, когда, будучи малышом, писал его в тетрадке по чистописанию).

Итак, Ялта... Раньше прошел через „огонь и медные трубы“, а теперь добрался и до „Крым-Рима...“

Остался без ноги и стал „беженцем“, как раз в „возрасте возмужалости“, так сказать в „счастливейшем периоде жизни...“ Пришел Карамзин в голову... Но, раз

Дьяк лишь в последнее столетие обозначал только духовный сан, в XVII ст. дьяк — это писарь, столоначальник и т. д. Званию (весьма высокому) в Запорожском войске „войскового писаря“ в Донском соответствовал — „войсковой дьяк“. Вероятнее, что фамилия Дьяков происходит отсюда, а не от духовного сана. К указанной выше категории нужно отнести и фамилию Растрюгин.

Фамилии казачьи, происходящие от географических названий, преимущественно городов, городков и станиц (Богаевский, Букановский, Каргальск(ий)ов, Кундрюцков, Терновский, Хоперский, Кумшацков, Богучарский, Самарин, Короченцов и т. д.) дают мало данных для определения национальности предков особенно, если названия станиц послужили основой для фамилий. Фамилия Букановский говорит лишь о том, что предок носящего эту фамилию был выходцем из Букановского городка Донского войска. Богаевский — переселенец из Богаевской станицы или городка в другую, — что весьма мало говорит.

Больше говорила сама внешность покойного М. П. Богаевского, что предок его был, безусловно, калмык, а черты лица его братьев это подтверждают.

Кароченец — выходец из г. Карочи — и был, вероятно, черкасом (украинцем).

Богучарские, Самарины, Калуженины были выходцами из соответственных городов; выходцы из украинских городов — из детей боярских, стрельцов, городских казаков в рядах последних были черкасы и татары. Так, что и в этом случае принадлежность носящих такие фамилии, к предкам великороссам не устанавливается.

Таким образом, фамилии казачьи не дают указаний на сколько-нибудь значительное вхождение великороссов (русских) в ряды казачества, конечно, они не могут дать вовсе материала для доказательства происхождения донских и прочих казаков от великороссов, так как казаки от великороссов (русских) в действительности и не происходят.

Изложенное относится ко всем казакам, кроме кубанцев-черноморцев. У них фамилии тождественны украинским; преобладают окончания *ий, ой, ый, а, ас*. В основе они имеют славянские (украинские) слова и тюркские, некоторые позаимствованные еще от предков — черных клубков (черкасов).

Но этот вопрос требует особого исследования.

пришел, так нужно признаться, что насчет моего „счастливейшего времени жизни“, он подкузьмил. И подкузьмил довольно-таки порядочно... Возраст „моей возмужалости“ сам по себе, б. м., и был „счастливейшим временем жизни“, но какое мне было дело до моего „счастливейшего времени жизни“, когда я-то сам не был счастливым. Только жить бы да радоваться, а я остался без ноги и стал „беженцем“. Где же там толковать о каком-либо моем „счастье?..“ Чувствовал я, что не было у меня этого „счастья...“ И, чувствуя это своей похолодевшей душой, я старался (говоря старался, ибо было слишком тяжело опустевшей моей душе) выдумать себе „счастье“, вдунуть в начинавшую холодеть мою душу вылетающую из меня веру в „светлое будущее...“ Порою я не узнавал сам себя. Быть может, — думал я: — я усомнился, как ученик Иисуса Христа, утерявший в Него веру? Быть может, я маленький человек, ум которого не может обхватить того „великого светлого будущего“, за которым так твердо гонятся наши „большие люди?“. Быть может, меня за „такие мысли“, когда так упорно „казачко-белая“ армия бьется с большевиками нужно выпороть, а, м. б., и „пустить в расход?..“ И, боясь самого себя, я „старался“ верить. Верить в то туманное, беспочвенное „светлое будущее“, в которое верили наши „большие люди“. Верить потому, что с одной

стороны, несмотря на то, что пожертвовал, ради „светлого будущего“ всем, чем мог только пожертвовать, боялся быть „пушечным в расход“, а с другой стороны, боялся без „веры“ сойти с ума. Да еще думал, что в „Россию нужно только верить“, — и больше-де ничего...

В это время „белая армия“ была с Черным морем за спиной или, как говорил открыто (несмотря на „белый“ шпионаж) один ялтинский дерзкий „большевик“, Врангель был в „кольці як в г...“, и в то время „добровольческие офицеры“, которыми буквально была забита Ялта, беспечно веселись в „тылу“, победоносно (как раз разбили Жлобу. А кто?..) распевали злободневную „яблочку“...

— Ох, яблочка, с боку красная,
А что Врангель придет, —
Дело ясное...

А Илюшка — тоже „беженец“, племянник мой (постреленок был) подсоседится к „добровольцам“ и орет им на ухо:

— Ох, яблочка, с боку красная,
А что Врангель уйдет, —
Дело ясное...

Рифмует и по-добровольчески, рифмует и по-Илюшкиному. Ну, а насчет „дела ясного“ пасть падает (так мне все казалось), как бы больше на Илюшку. „Белый“ тыл-то — ведь море. Черное, широкое и глубокое море. Не только „белая армия“, а и сам черт на таком „тылу“ не удержится...

Но все же, безумствуя и мучась, верил. Не мог, чтобы не верить. Тяжело, слишком тяжело было без „веры“...

... Финал финала...

Илюшка постреленок накаркал-таки (типун бы ему на язык)... Сидим в Сан-Стефано, посреди холодного и голодного поля. Сидим мы — „белые“. Как хочешь считай — „пришел“ или „ушел“ Врангель, а „дело ясное“. Даже больше — „ясней ясного“...

Нет ни одной палатки, где бы не грызли черный, черствый, французский хлеб, и где бы вошь едом не ела „белых воинов“ — казаков.

— Бр-р-р...

Верить? Верить и теперь?.. Во что? Где она, эта настоящая вера?.. Ах, да... Верю, верю. Верю в Тебя, Единого Справедливого. Верю со всем моим тихим смирением и такой же кротостью. Верю, как девинный агнец, которого приносят Тебе на закланье... Верю и лежу кротким, многострадальным Иовом на колючем бурьяне. Лежу, как раб прибитый и смотрю вверх, на французский, так ловко покроенный, парус палатки... Чу!.. Песенка. Самая „новейшая песенка“...

— Я милаго узнаю по походке —
Он носит брюки галифе.
И шляпу носит он панаму,
Ботинки на резиновом ходе

(Ведь рифма-то какая!)...
Бантики, все это бантики
Всему виною, господа.
Погибло все, что дорогое нам,
И не вернется никогда.
Бантики, все это бантики
Всему виною, господа,

— вошла в азарт молодежь в соседней палатке...
Больно дернул кутный зуб, а за ним, как сговорились, и другие...

Так вот к чему привели казаков их miraжные мечты о „светлом будущем“? Вот чем украсило „белое движение“ свои „едные, неделимые“ погребальные дроги. Вот чем декорировало оно погибнувшую в неравном бою „казачью белую армию“. „Бантиками...“ Заслужили „бантики“. От „красных бантиков“ отреклись, а „белые“ нам пришили... „Бантики“ нам были „там“, „бантики“ нам и „здесь“. Везде нам — „бантики“ — „нашейники“...

Гм — „бантики“... И больно, и зло, и пошло...

А в это время по холодным и голодным палаткам „белых казаков“ уже ходил слух про самого „большого белого человека“. Говорили, что этот „большой чело-

век“, с которым так крепко были связаны казаки, бывший недавно Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России, ген. Деникин успел уже заделаться „английским лордом“. Бывший Главнокомандующий не проиграл (то-то „большой человек!“) — „лорд русский“ сорвался, — подвернулся „лорд английский“...

Может быть-де, „большому кораблю — большое и плавание“? Мне-де, христоробивые „белые воины“ — „лордство“, а с вас-де довольно будет и „бантиков“? Не знаю, — так ли это или нет. Но только, лежа тогда на колючем бурьяне, я и не заметил, как досадно ломал его колючие прутья. Колол руки, кровь лилась, но боли никакой не было... Было страшно и вместе с тем приятно, или вернее, как-то легче, как бывает легче перед смертью умирающему... А ребята все свое:

— Бантики, все это бантики,
Всему виною, господа...

Все-таки нашли молодые, невинные души „вину“... Ворочавшийся в моих ногах, скорчившийся в „три погубели“ Василий Петрович Попов, приподняв на меня свое старческое, семидесятилетнее, изможденное лицо, смотрит мне в глаза. Смотрит и молчит. В седой нечесанной его голове вижу четыре впутавшихся орешка. А на тусклом лице его ничего не вижу, ибо взгляд его не только ничего не выражает, а просто взгляд его какой-то „безвзглядный“ или такой, какой бывает у человека после отчаянной ночной попойки, — „помятый“. Смотрел, смотрел, молча да и открыл, скрививши больно рот и подмигнув в ту сторону, где играли про „бантики“...

— Слышишь? Показываю глазами, что да. Слышу-де.

— Ну, как песенка? (так и сказал — не песня, а песенка) и хотел было улыбнуться, да и не смог. Вместо улыбки — олово, как и сам взгляд его — закопченное стекло...

„Песенки...“ „Бантики...“ „Бантики“ и „песенки...“ Три года „песенки“...

А песни? Те песни, что играли когда-то Иван Илич и братья Пенькевы позабыли. Позабыли „напев протяжный песен старины“. Променили его, родного на чужие „русацкие песенки-частушки“. На „краснобокие яблочки“, да на „бантики“. Променили... „Допелись“...

Глубокий старик Василий Петрович, испустив тяжелый вздох, полный отчаяния и злобы, свалил свою седую нечесанную голову на бурьян с орешками. Свалил свою седую, на старости лет опростоволосившуюся голову...

Оттуда, от молодых еще казачат, которые, видно, рады были, что хоть уцелели от „русской катастрофы“, все доносилось:

— Бантики, все это бантики...

... Ах, нет. Не на маленькие куски надо переломать колючий бурьян, а в порошок. В порошок его надо стереть...

И я с бешеным азартом, забыв о том, что я смешен в своем бессильном гневе, старался треском колючих прутьев заглушить гнусную, злободневную „частушку“, „стирая в порошок“ мою унаследованную постель — колючий бурьян.

Кровь сочилась по ободранным рукам, но боли все же не чувствовал... Ныло только сердце, обливаясь разгорячившейся кровью, да в холодном, пустынном колодезе душилась моя душа. Да, потом еще зубы дергали, уши горели от частого, пошлого мне „напева бантиков“ — „продукта единой и неделимой“. „Продукта казачье-„добровольческого“ соглашения“ и „результата“ его чреватых последствий...

А ведь ясней ясного. — „За честь отчизны, за казачье имя, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол кипел волной и звал на бой Седой наш Дон, — Родимый Край...“

Вот какой маяк нам был зажжен светочами казачества.

... Вот была она, наша верная, торная казачья дорога к нашему светлому будущему...

Пусть бы и... не выдержали. Не под силу бы был нам „дедовский завет“... Пусть бы также лежали мы на холодном и голодном турецком поле... Но за то

знали бы за что... Знали бы мы, всегда гордые и благодарные, что не изменили ему, Вольному Казачеству.

Опытное и ученое несколько раз оно, горемычное... Не напрасно оно, обезличенное, забытое „русским наплывом“ призывало нас, ослепленных заколдованным неведением к защите его „чести и свободы“. Но

мы „ведением или неведением“, а опростоволосились. Да еще как опростоволосились...

... Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная — щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Дон-Араши.

Наши песни нашим детям.

(Калмыцкой группе окончивших и оканчивающих Пражскую реальную гимназию).

(Окончание).

Ко времени ухода наших предков с Волги обратно в Азию (1771) относится песня Убуши-Хана — „Овшо Хана дун“. В ней поется:

У трех Самарских курганов
Серого иноходца привязал.
Догонит ли солдат с арканом
Против ветра идущего Хана?
Усевшись на сивого Маши
Повел я татарского Серого,
Что же нам готовят
Наш повелитель Убуши?
Маловодна-ли была
Река Уласта,
Малоумными ли показались
Наши прежние нойоны?
Плоха ли оказалась
Река Нярин,
Или ближайших кайсаков
Приняли за своих „нагцанар“?

Разочарование, горе, нужда в пути слышатся в этой песне. Слова ее горечью пропитаны, не одобряют Убуши-хана, ведшего свой народ в Азию после почти полуторастолетнего пребывания на Волге.

Из бодрых песен характерна „Мазан-Батр“, где воспевается бесстрашный, смелый герой, про которого говорится:

У нашего нойона Мазан-Батр
(Зань-айду)
Табун с ушами марала,
Наш нойон Мазан Батр
Владеет урочищем Мани-Тохой.
Как свистнет и выскочит
Он с песней бесстрашной.
Стелются по земле Туркмены.
Как вскрикнет и выскочит
Он с песней смелой.
Стелются по земле киргиз-кайсаки.
Усы у него, как грива
У самца верблюда,
Зубы у него, как бивни
У дикого кабана,
Трубка — в верблюжьей голове,
Мундштук — в ногу верблюженка.

Припев „зань-айду“ следует за каждой фразой. Эта песня почти что потеряла свой военный характер — она часто поется хмельными стариками и выражает скорее бессилие, чем отвагу, когда, роняя слезы, хнычут старики: „да были, были люди“.

Ко времени войны 1812 г. относится песня „Съм хамарта паранцуз“ — француз, с носом в четверть. В ней поется:

У француза нос с четверть,
Я бился с ним, рубился
Не из желания рубиться,
А только лишь защищался.
Гарцует низкорослый конь мой...
Наш владелец Чучей
Держит свой путь в Москву,
Редкостный бегун мой
До края моста домчался —
Тут 50 тысяч французов,

Ну, так давайте их рубить.

Обалдевшие французы
Город Москву разорили.
На кого же оставил нас
Божественный владелец наш?
Как птица к императору полетел
И, достигнув его, не погиб ли он?

В этой песне чувствуется растерянность и неуверенность — рубиться то рубился, но только ради защиты, а не из гордого патриотизма. Больше идет беспокойство о Чучее и его судьбе — не погиб ли он, „божественный владелец наш“. Хочется, как бы со своим человеком посоветоваться — на кого же покинул нас? — поется в песне. Оно и понятно почему это случилось. Известно, что в 1811 г. по высочайшему указу „для усугубления армии нашей легкими иррегулярными войсками“ составлены были 2 калмыцкие полка. Командиром 1-го был сын наместника Чучея-тайши — Джамба Тундутов. Имя Чучея, как более популярное, воспевается вместо имени сына, хотя самого Чучея в то время не было в живых. Попавшие в калмыцкие полки простые калмыки, прежде не служившие в смешанной войске, почувствовали себя растерянными...

Из мирной жизни к концу 18 ст. относится песня „Галдан-Церен-Джиджетен“, называемая по имени путешественника в святые места Зу, У-Тай и т. д. В этой возвышенно-благочестивой песне поется:

До места Зу можно добраться
Только лишь в 6 месяцев,
Пусть хранит нас Зонкава*)
От всякого зла в пути.
На берегу Кэкс-нора
Мы передохнем
И святыням недоступным
Доберемся и поклонимся.
У зарослей бурьяна
Табун казенный пасется,
Избранным, высшим святыням
Дойдем и поклонимся...

Поэтична и красочна на родном языке песня Джимбе-Шараб. В ней поется:

„Солнце сияет, распустились цветы,
Гибкие ламы возносят моления свои.
Темно-гнедой конь до Черкаска мчится,
Джимбе-Шараб благородный
С властью Черкаска разошелся.
Низкорослый темно-гнедой
Иноходью до Москвы домчался,
Наш нойон Джимбе-Шараб
С властью Москвы рассорился.
Идет ему пепельного цвета
Суконный бешмет!
Да выполнит свое дело
Одинок-выросший Джимбе-Шараб!

Быть может утеряны еще слова, но и наличные слова указывают на ее политическое происхождение. Взаимные трения улаживались только лишь выдающимися нойонами и владельцами благодаря их знанию чужого языка, а также смелости, свойственной их неза-

*) Реформатор буддизма.

висимому положению. Простые калмыки всецело доверились и ожидали от своих нойонов чего-то необыкновенного, наивно полагая, что рассорившись с властью Черкаска и Москвы он все-таки сможет выполнить свое дело. Песня, вернее всего, относится ко времени раннему, нежели наше вхождение в состав донского казачества, так как у донцов-калмыков нойонов уже не было, если не считать единственной фамилии, которая уже не имеет потомков по мужской линии.

О городе Варшаве сложена песня донскими калмыками после перехода в Казачество. В ней слышится упадок духа:

„Красивый, прекрасный город,
Город Варшава,
Только, как приедешь сюда
Затоскуешь за родными,
А как затоскуешь за родными,
Силы уходят куда-то...
Как станешь с ружьем (на часы)
Болят и ноют ноги,
Хот болят и ноют ноги,
Никто не скажет:
„Довольно, миленький!“.
Что ты поделаешь
С трудностью царского приказа —
Дрожишь от стужи и стоишь.
Хоть и дрожишь от стужи,
Никто не скажет:
„Довольно, миленький!“.

Вообще песни к XX ст. носят какой-то жалобный характер, как бы истощается внутренний жар, робеют, расплываются и растворяются...

Так, про духовное лицо сложена песня у донских калмыков:

Плетется карий конь гелюна,
Как бы мечтает, раздумывает,
Из-за прекрасной Агдиня
Забыл гелюн свой сан.
Борцики жильные
Стали для него ядом,
Сухари мужицкие
Стали священной пищей.
Чай калмыцкий стал
Ядом для него,
Вода же с Донца
Сделалась священным напитком“.

Эта песня характеризует перемену в настроении, упадок традиционных верований. Она подчеркивает и насмехается над таким жалким гелюном, который оказался способным переменить свой сан, предпочесть сухари борцикам, воду Донца калмыцкому чаю. И, вероятнее всего, соблазнительница иноверка, потому что, если бы она была калмычка, не говорилось бы про замену калмыцкого кушанья на мужицкое. Так раздваивается слабая, безвольная душа. Так же простой калмык, раньше не смевший осуждать своих духовных лиц, осмелел и бросает насмешки тому, кому поклонялся, коль-скоро он оказался не на высоте своего призвания...

В заключение привожу одну из игривых, довольно старинных песен, слова коей таковы:

„Между двух хотонов
Лежит сухой айданчик,
Как возьмешь и кинешь

Становится „алца“ и „та“.

Если станет „алца“ —

Значит счастьем быть,

Если станет „та“ —

Трубку тебе поднесут.

Приедет ли новый зять (жених?)

Постилает новую полсть

И от радости сияет.

Приедет ли старый зять —

Постилает старую полсть

И от злости ворчит...

Рыжий мой танцует —

Проедем ли стройными рядами —

Расшитой кистью махнет.

Проеду ли мимо,

Гремя серебрянным набором —

Концом рукава махнет...

Под мотив этой песни ухитряются танцевать.

При наличии веры в переселение душ можно заключить, что душа, переходящая из века в век от одного рождения до другого (из этих песен) совершает такого рода цикл.

Душа обозревает мир с высот Алтайских гор, восхищаясь красотами природы, присматриваясь и прислушиваясь к каждому ее проявлению, будь то синева отдаленных гор, полет ли горных орлов, щебетанье-ли жаворонка, крики диких птиц, тишина ли обширной равнины, но ничто не в состоянии усыпить чуткость души, забыть ласки матери, ее слезы, заботы о нем. Благодарная душа помнит ее и ее родных, неотступно при всяком новом рождении.

Та же одна общая для целого народа душа стремится в минуту горя к своим „нагцанар“, зная, что найдет у них ласку, отражающую ласку матери. На гибель обреченный, но не смеющий подняться против старшего брата „добродетелью преисполненный“, он предпочитает удалиться от зла к любящим сердцам.

Та же любящая душа в новом рождении жалуется и тоскует за старушкою матерью. Почему наши песни так заунывны. „Обидчив одинокий, осиротевший“ — говорит наша пословица.

Народ (в целом составе) осиротевший, покинутый отделившийся от главного ядра, озирается, уныло, ищет выхода и не находит. И этот свой дух выражает в заунывных песнях, воспевающих осиротевших, одиноких, безнадежно-тоскующих. И эта лирика нам понятна.

Зато дух удалы, отваги слышатся в песне Мазан-Батр. В ней нет ни сомнения, ни колебаний, в ней есть вера в свои силы, в конечную победу, в ней идеальное бесстрашие. Но когда же это было? Когда владели урочищем Мани-Тохой, когда перед ханами калмыцкими „стлались по земле“ туркмены, киргизы, кавказцы...

Но гордый, бессмертный дух, переходящий из века в век, от одного рождения до нового рождения претерпевает кризис — поднимается и падает и вновь поднимается...

Так пусть же руководит молодежь нашей бодрый дух, вера в конечную победу. Безвольных и слабых поддержать, а сильным помочь, прославить калмыцкое имя, как говорили „авы“.

Сергей Макеев.

I. Банкет.

Заволновался „русский“ Париж... Зашумела печать. Заскакали курьеры с пакетами и донесениями... Закричали „герольды“ на заводах и в ресторанах...

„Едет!“

Кто? Как? Откуда?

Один из кандидатов в вожди, генерал от инфантерии Перепелкин, надумал посетить Париж.

Само собой разумеется началась лихорадочная

подготовка к банкетам, балам и ужинам. Одно объединение старалось перед другим. А объединений в Париже по последней переписи миллион двести тысяч, — так можете себе представить какой тарарам поднялся. Экстренно мобилизовались кошельки и артистические силы. Спешно репетировали гимн, зажигательные речи, тосты, чистили потускневшие от времени ордена и медали и брали на прокат фраки и смокинги.

Нельзя же в самом деле ударить лицом в грязь перед таким дорогим и редким гостем!

Не отстали от других и пулеметчики железобетонного полка. Закатали пир, что называется, на весь честный мир. Собрался народ и по приглашению, как почетные гости, и по записи и по обязанности.

В число гостей первой категории случайно как то попал популярный в свое время казачий генерал Андрей Кузьмич Рогулько — псевдоним конечно.

Почетное приглашение застало генерала прямо таки врасплох: единственный приличный костюм по некоторым соображениям находился в ломбарде, а повседневный, в котором ездил по магазинам в качестве комиссионера по продаже паюсной икры, настолько был истрепан, что не совсем удобно было являться на банкет.

Но что ж делать, коли не было другого исхода? Понервничал Рогулько, покусал от злости верхнюю губу с рыжими усиками, замазал чернилами потертые места на локтях и за полчаса до назначенного часа спустился в подземелье парижского метро.

В ресторане, куда приехал Андрей Кузьмич, уже было много публики и при свете ослепительных лампочек ярко блестели шелковые отвороты на фраках и смокингах. Как редкое исключение попадались и простые темные костюмы, но новенькие, только что сшитые в расщочку у Рабиновича.

Рогулько невольно остановился, а в голове мелькнуло: „не вернуться ли домой?“

Но отступать было поздно. Распорядитель взял под руку и повел в зал.

„Бедность не порок!“ подумал лихой генерал и бодро зашагал по паркету.

Прежде всего он поздоровался с вождем, перекинулся парой словечек с его начальником штаба, а потом уже протягивал руку направо и налево и знакомым и незнакомым. В группах оживленно разговаривали о политике, о признании вождей, и об августейших претендентах на престол.

Рогулько, здороваясь, прислушивался к разговорам и не знал к какой группе лучше ему присоединиться. Но, не долго пришлось ему задумываться над этим, так как всех пригласили к столу.

— Ваше превосходительство, пожалуйста сюда! — обратился к Андрею Кузьмичу распорядитель, услужливо указывавший места почетным гостям.

Стул для Рогулька оказался вдали от вожды, почти на самом левом фланге, за так называемым „музыкантским“ столиком.

Далеконько, да что поделаешь? Гость. Куда посадыт — там и сиди!

Генерал от инфантерии Перепелкин погладил бородку, обвел пронизывающим взглядом „верно подданных“ и грузно опустился на председательское место.

Как по волшебной дудочке разместились и гости.

На столах, покрытых белоснежными скатертями, красовалась живописно расставленная закуска, хрустальные графинчики с холодной водкой, большие кувшины с хлебным квасом и французскими винами и серебряные вазы с цветами и фруктами.

С первой же рюмки начались и речи.

За здоровье вождей, армии в целом и в частности генералов и офицеров, доблестно сражавшихся за правое дело.

Каждый тост покрывался дружным „ура“ и несмолкаемым ревом „многое лето“.

Пили за всех и за все.

Ни один полк не остался без внимания. Чарка водки и „ура“ воздавало должную дань каждому.

„А когда же выпьют за казаков?“ пронеслось в нетрезвой голове Рогулька — „неужели их не было в армии?“ В этот момент поднялся с речью командир железобетонного полка.

„Вот теперь наверно вспомнят и про казаков. Выпьют по рюмке за здоровье тех, кто постоянно находился в авангарде добровольческой армии.“

Андрей Кузьмич даже привстал со стула и вытянул шею, напрягая слух и внимание.

— Господа! — начал командир железобетонного полка, — выпьем за здоровье тех, кто постоянно на-

ходился в авангарде доблестной армии, за здоровье тех, кто покрыл себя неуязвимой славой на полях Кубани, Дона, Украины и Таврии! —

„Ага! — подумал Рогулько — наконец и за казаков!“

— За здоровье тех, чьей формой гордится наш уважаемый Захар Павлович, — продолжал железобетонник, протягивая руку с бокалом вина в сторону генерала Перепелкина, — за здоровье славных Таратаракацев! Ура!

„Ура! Ура! Ура!“ подхватили со всех сторон.

— За здоровье кого пьют? — спросил своего соседа Рогулько. За здоровье кубанцев?

— Никак нет, ваше превосходительство, за здоровье доблестного таратараканского полка! — ответил сосед с крестиком в петличке.

У Рогулька сразу что то оборвалось под сердцем. Он жадно выпил стакан вина и нервно закурил папироску. А когда все успокоилось, то не совсем твердым, но довольно резким языком спросил Перепелкина:

— Захар Павлыч, а Захар Павлыч!

— В чем дело, Андрей Кузьмич?

— А когда же выпьем за обоз третьего разряда?

— За какой обоз?

— Да, за казаков то!

— Да что вы, Андрей Кузьмич, подождите, время придет!

Но, за поздним часом очередь до обоза третьяго разряда не дошла и многие уже начинали расходиться.

Ушел и мрачно настроенный Рогулько.

Уже на рассвете, добравшись до своей постели, он устало уткнулся в подушку и, анализируя все происшедшее, сердито пробурчал:

— Не в свои сани — не садись!

II. Не страшно.

Проснулся я утром в хорошем настроении. Тепло. Чудесная погода. Свежий воздух. Запах сосны. Прямо прелесть, да и только. Встал с постели, сладко зевнул и побежал первым делом к цыплятам. Открыл двери, выпустил во двор, и еще раз сладко зевнул уже от радости, что на глазах так быстро растут, что в весе прибывают и на лишние франки потянут. Но, заглянул в искусственную матку и ужаснулся: четыре цыпленка — вечная им память — лежат вверх животиками и лапки вытянули. Здохли.

— Иван! — кричу своему компаньону, — иди ка, посмотри.

— Должно дифтерит, — авторитетно заметил Иван, — не иначе, как к свиначему доктору нужно!

— Почему к свиначему, а не к птичьему?

— Да в полку у нас звали так ветеринара... Вместе с Иваном прошли к кроликам. Шесть штук за уши вытянули из клеток.

— Это от жары...

— А не от люцерны? — спросил я.

— А чего бы им от люцерны?..

Настроение быстро понижалось. Еще бы! Работаешь, как вол, строишь воздушные замки, мечтаешь о доходах и вдруг на тебе!..

А когда увидел дохлых утят, так вне себя от бешенства, бросился в хату, и с жадностью набросился на кофе и на свежие бублики.

Нужно заметить, что мы сами печем бублики, и такие вкусные, что во всей черте оседлости не пекли таких.

Два бублика проглотил вмиг, и только взялся за третий, как привезли почту. Ну, сами понимаете, что хватаешься за газету, и начинаешь смаковать... Посмотрел передовицу, заглянул в объявления, — там тоже попадаются хорошие вещицы — перескочил в уголовную хронику, и случайно наткнулся на „вскрытый гнойник“. Человечик один — из Бердичева — ловко так пишет иногда, что прямо таки зачитываешься, все письмами жарит, и в этот раз тоже настроил порядочно и довольно красиво. Читал, прямо и, откровенно скажу, с большим интересом. Отчихвостил все вольное

казачество по всем швам. Билому и Быкадорову крыть даже нечем.

„Ага, голубчики, попались“. Но, только это я подумал, как глаза мои пригнули на последние строчки и я в нервном ужасе, не прожевывая, хотел проглотить бублик.

Взять, говорит, всех этих изменников и перебежчиков под подозрение и заклеить их республиканско-миллюновской печатью, чтобы потом в России с ними раздаться по настоящему. „Ого, это и ко мне относится, ведь и я тоже перебежчик!“

От такого страха бублик так и остался в горле. Я и так и этак корчился, ничего не поделаешь, задыхаюсь... Иван посмотрел на меня, и на брошенную газету, и в недоумении спрашивает:

— В чем дело?

Как ему объяснить в чем дело. Коли мне не только говорить, а дышать нельзя.

Взял клочек бумаги, напишу, чтобы ехал скорее за доктором, а то придется преждевременно умирать. Иван в два счета смотался и приехал с казачьим врачом.

— Слава Богу, что не с французом и не с русским. Первому трудно объяснить причину болезни, а второй от злости нарочно на тот свет отправит. Хоть за это их и не глядят по головке, да ведь в наш век всяко бывает.

Доктор покрутился возле меня, засунул какую то чертовщину в рог, и вытащил свернутый в бараний рог бублик.

— Вот, пожалуйста! Еще бы несколько минут, и вы бы отравились к праотцам.

— О! Доктор! я не знаю, как вас благодарить, ведь вы мне дали жизнь...

— Ну, что вы, это моя обязанность, вы еще молоды и ваша жизнь нужна казачеству...

— Да, да, нужна, я послужу казачеству, но вы видите, что нам обещают за это?

Я указал пальцем на „вскрытый гнойник“.

— Ерунда! Все это глупости! — улыбнулся доктор. Никто не знает, когда освободится Россия, и кто встанет у власти. Здесь же весь крик и угрожающие кулаки не имеют цены. Бог его знает, во что выльется будущее нашей родины. Быть может образуется новое государство Кавказия, а в Москве, например, будет император. Ведь может же это быть?! Так тогда Павел Николаевич со всей своей свитой и с Мейснерами и со всей этой палестинской компанией должен будет взять курс на Иерусалим, молиться и просить у Господа Бога прощения за грехи своя и своих ближних. И в судный день, посыпав голову пеплом, плакать и бить себя в грудь и рвать волосы у стены плача!

— Верно доктор! Как это раньше я не подумал! Только напрасно понервничал и чуть чуть не сыграл в ящик! Даже если в Москве очутятся у власти еврайцы, так и те не пощадят Мейснера, а уж к нам в Кавказию и носа не показывать. Пусть едут в Палестину и запугивают арабов.

Доктор уехал, а я заложив руки за спину ходил и навсильгивал бравадный марш. Так легко сравнительно отделался от смерти. Еще поживу, пока Мейснер меня не задушит собственными руками.

Хоть, правду сказать, я едва ли попаду в Бердичев!

Думы и мысли.

А. Золотов.
(Югославия).

ОБРАЩЕНИЕ К ДРИНЕ *).

С Черных гор ты воды мчишь,
Много дивного в пути ты подглядишь,
И докатишься до Черного ты моря
Нам на зависть и на горе!

Дрина! знаешь-ли, что там за морем? —
Там сраженное казачество живет,
Удрученное великим горем,
Десять лет к себе нас ждет!

Дрина! в этом море ты узнаешь своих братьев и друзей,
Текут все они с вольных сказочных степей:
Днепр широкий, и Танаис, и Кубань
Несут с шумом к морю свою дань.

Дрина! Расскажи про наши им желанья,
Прогорящие сердца, как пламя,
Про думы вечные: на степь взглянуть,
В больную грудь родного воздуха вдохнуть!

Дрина! Смешайся в море с братскою волной,
И, в тучу быстро обратясь,
Полей нас каплей дождевой,
С попутным ветром возвратись!

„ПОКРОВИТЕЛИ“.

Не слогом выпранным высокопарных слов
Мне хочется излить короткое сказанье,
Как опекала Русь святая казаков —
За это говорят документы — преданья.
Казак, по мнению сановных москвичей,
Необходим тогда лишь будет для России,
Когда исполнит роль присяжных палачей,
А за его спиной запрячутся „витии“.
Невежество, разбой — вот казака призванье...
И, если просвещение казачество постигнет,
То тем уж исключается и самое названье...
Наука — яд для них и... казаки погибнут!..

*) Река в Боснии; на ней м. Горажде, в котором размещен Донской кад. корпус.

— Наука талии казачьей не испортит,
Имею тысячи примеров налицо:
Ведь, сколько казаков свой „знак — ученый“ носит,
А возглавлял кого погибший Чернецов? *)
В рядах студентов на месте не последнем
Было не малое число и казаков.
И, если бы пришлось заняться исчисленьем —
Тех списков, вероятно, солидный был бы том...
Казалось бы, что общего у нас с той ролью,
Какую нам приписуют извне?
Сенатор, прокурор, профессор, инженер и доктор, —
Не думаю, что все это... во сне приснилось мне...
Так нет, поди же, не теми, зная глазами
Москва смотрела целый ряд неков
И вечно думала коварными умами,
Как опекать „сермяжных“ казаков...
Были Круги и Рады — венец казачьей власти,
Избранник Атаман — великий исполнитель,
Но, на Москве, боясь такой „напасти“,
Встревожен был всегда коронный „покровитель“...

И вдруг ударил гром над „умными“ людьми,
В трех соснах власть и мущие дорогу прозевали...

— Ах, дело дрянь, голубчики мои,
Мы голову свою в стараньи потеряли!..

— А можно, ведь, было задать им вопрос:

Да раньше то разве ее вы имели? —

Пределом заботы был собственный „нос“,

А в даль то разумно смотреть не хотели...

1927. С. Америка.

Е. В. В.

Что думают казаки на Дальнем Востоке.

(Из письма).

... Мы вполне согласны с Вами, что пора нам, казакам, говорить между собою. Только нам не надо ссориться, чего, слава Богу, у нас здесь не делается.

Мы, казаки, проживающие на Дальнем Востоке, можем гордиться спайкой между собою. Оренбургцы, уральцы, семиречи, сибиряки, забайкальцы, амурцы и

*) Студенческие дружины.

уссурийцы, — мы думаем одинаково, одну свою казачью думушку. Мы уже оправились от дурмана различных „вождей“ и от атамана до казака думаем только по казачьи.

В каждом месте, где есть немного казаков, там обязательно организуется станица. Наше старое, „дедовское“ мы принесли сюда с собой... Еще раз благодарим Вас за журнал... Посылаем Вам наш сердечный привет!

Атаман Тяньтинской станицы
Оренбургского каз. Войска А. Еф—ов.

14-VI-1929.

ДОБРОМУ ДЯДЕ.

(Один из молодых поэтов посвящает.)

(см. № 38. В. К.)

Прибольшо выпороть готов Ты в назиданье
Поэтов молодых, все приложив старанье,
Забыв, как в наши дни, нам тяжелы исканья
И труд наш творческий неблагодарен как...
Пиши, пиши-ж — статьи и некрологи,
Тебя несут еще стареющие ноги,
Волнуют грудь сомненья и тревоги,

От мыслей с головы сам падает колпак...
Твой крик для нас, поверь-же — откровенье...
Да, серы мы и нет у нас уменья,
И детское опасно вдохновенье —

Буди нас и брызжаньем беспокой...
Но только знай, не Ты один читаешь,
И судишь не один... Коль критику мараешь,
Напрасно псевдоним усердно выставляешь...

Племянник.

(подписал не дрогнувшей рукой...)

Кубанцы в Перу.

Прочел в газетах „молебен и парад казаков в Белграде, отъезжающих в республику Перу“ и сердце как-то болезненно сжалось.

Расбросанные по всему свету одиночками и группами, живя среди чужих людей, среди чуждых нравов и обычаев, в чуждой ежедневной работе „на пропитание“, одетые в чужеземные костюмы и ютящиеся в тесных комнатных шкафах, вечно „на походе“ с одного завода на другой, с одной квартиры на другую, вечно в погоне за куском насущного хлеба, — казаки влчат нудное и беспросветное существование, забывая свои нравы и обычаи, теряя и традиции, и веру отцов, теряя всякую живую связь с родным краем казачьим, стирая в этой сугубой жизни свое благородное и гордое лицо казачье...

Номинально числящиеся, или даже составляющие казачьи станицы на местах работы — по условию жизни своей, разве казаки хранят в них свои заветы старины?!

Разве они доподлинно выявляют в них свое „Казачество“, как таковое?! Да и чем может отличаться казак-работчик от рабочего-тамбовца, работающего с ним рядом у станка? А сколько казаков отклонившихся от заграничной „Казачьей семьи“ и живущих жизнью всех остальных эмигрантов, на лучший случай храня в душе свое казачье происхождение иль... считая все то — пережитком, и живя только ради себя, ради своего эгоистического „я“, ради своего тленного тела и „обасурманившиеся западом“ — далеко-далеко отошли от дел Казачьих...

Яркий показатель подобного „снижения духа“ — безразличие не только к родной Казачьей печати, но порою безразличие и к горю ближнего своего же брата-казака, безразличное отношение к Войсковому Казачьему Представительству.

Читал наш Кубанский листок „Вольная Кубань“ — много ли находишь фамилий из 5-ти тысяч кубанцев за границу, вносящих свой пай на поддержание этого листка Казачьего, официального, листка своего-же Войскового Атамана?! Это как яркий пример; а сколько мелких, житейских, ежедневных их?

Надорванные бесконечным ожиданием „конца безженства“, оторванные от родной земли, от векового

казачьего уклада жизни, разлученные с семьями, разлученные с женами-подруженьками целым десятком лет (легко только сказать), живущие без всякого права и обязанностей, словно птички перелетные, — истомилось казачество, погнулось и в тяжких муках своей изболелшей и надорванной души — ищет выхода.

Вот почему массовое переселение казаков, организованных и с испытанными старшинами, переселение на земли — можно только приветствовать. Много тяжких дней ждет их там... Но... все превозможет казачья натура.

Сплоченные многолетним общением, — станичники, старые соратники — обветренные, натертые жизнью, испытанные и в горе и в радости, воспитанные на добрых началах казачьей патриархальности да еще буквально за тридевять земель от Родины — трудом и настойчивостью все сотрут они на своем пути к намеченной цели и осядут там надолго прочным ядром.

Будет там у них и церковь с настоящими обрядами православными, и школа, будет и настоящий Атаман с правом карать и миловать, будет и своя казна, будут и обязанности каждого ко всем и всех к каждому. Они составят свое там „казачье войско“. Будут по старине праздновать и праздники православные, искреннее будут служить панихиды по Атаманам и всем казакам, погибшим в кровавой борьбе за свое право Казачье и особой пышностью будут отмечать свой Войсковой праздник.

Для ведения хозяйства и для необходимого потомства — переженятся там м. б. и на краснокожих красавицах... Это не опасно. Первобытная женщина, ласковая и почитательная к мужу, заботливая и внимательная хозяйка — будет лучшею женою-другом. Не побывавшие-же поехали туда братья?!

А настанет время — дальность не будет дальностью для возвращения на Родину. Было-бы с чем возвращаться. И Кубань родная с особенным радушием распахнет свои объятия для своих казачьих „робинзонов“.

5.VI.29.

Козак Бидолага.

Дорогие станичники!

(Из вступительной речи на одном организационном собрании).

12 слишком лет прошло с тех пор, как „великая и бескровная“ разорвала, наконец, узы царского деспотизма, неограниченного в отношении всех народов, в том числе и Казачество, охранявшего в свое время южные пределы Московии, но и ставшего на дороге ей к Черному морю.

Обескровленное не раз в борьбе сокружавшим его врагом, оно предавалось, когда нужно было (Азов), или истреблялось чуть не поголовно московскими ратями (Петр I), не раз бросая кровью своей завоеванные места и уходя даже к врагу...

Больше одиннадцати лет прошло с тех пор, когда Казачество осознало невозможность совместной работы, сожительства с „красным“, разнуздавшимся севером...

Не захотел последний узнать права Казачества на самоопределение и волеизлияние, его права на жизнь, на его казачье „я“...

Еще Керенским мобилизируются против него округа, красные рати уже двигаются на юг...

Зачем?!... праву по какому?...

Всколыхнулся тут, взволновался тихий Дон, Кубань вольная, Терек бурный... Зловеще загудели набаты, потекла кровь алая...

„За дома, за Края Родные!...“

Распались окончательно наложенные Петром цепи, не на жизнь, а на смерть завязалась борьба под стягом: сине-желто-красным.

Высоко взнеслись орлы молодые, оглашая вольным криком близкие, далекие горизонты!...

10 лет прошло и с тех пор, как, бросая родные места на произвол судьбы, обливаясь слезами и кровью, потянулись казаки опять на юг...

Кто не видал этих сотен и тысяч задумчивых, пунуро-склоненных голов, неконечные ряды обозов...

Кто не видал слез матерей, жен и детей, оставляемых на растерзание, кто не видал кровь умирающих отцов и братьев?...

Застонало, заплакало опять Казачество!..

На Москву, видите-ли захотелось кой-кому посмотреть, места тучные скорей позахватывать!..

Забыли 5-ый год, невняли голосу Казачьему:

„До Москвы едва ли наших голов хватит!?!...“

И... жалобно оглашая скалистые места Кубани в предсмертных судорогах бились подрезанные „Единонеделимые“ орлы; тоскливо сжималось сердце, отмечаемая крестный путь...

Смерть, черная, зловещая витает над Казачеством, все крепче и крепче сжимает свои костлявые руки...

Ой, и где ж вы, сыны мои, сыны вольные!...

Где?!...

В сырой земле, разве, Краев Родимых закопана ваша удаля, тлеют белые кости?...

Нет, нет!... Прошли года поголовных истреблений когда-то, а Казачество жило; прошли ужасы мировой и гражданской войны, времена военного коммунизма и расселения — начинают гоиться и раны там.

Медленно, подвергаясь постоянно разным экспериментам, кройке границ и живого тела, верно, однако, гоятся раны...

8 лет растут силы, опыт и знания здесь, укрепляется, закаляется ненависть, растет тоска по степям родным, берегам далеким.

Растет и убеждение в полную жизненную неспособность бывшей русской интеллигенции здесь в эмиграции, разбившейся на ряд партий и группировок, зорко следящих за тем, чтобы какая-нибудь из них вперед не захватила общий предмет желаний их и вождельный...

Надеется, верит и ждет... Молча, затаенно ждет на кресте распятое, бессловесное Казачество там. А здесь?...

8 лет пишутся праздные письма, 8 лет ожидают весны возвращения!... Теряется вера, глубже и глубже закрадывается сомнение в возможность возвращения вообще, шире и шире становится пропасть между мозолистой рукой казака и его ведущим когда-то нервом; глаза открываются ум проясняется — казак начинает размышлять...

Начинает рассуждать и беззаветно гибнущая, в прошлом, подросшая теперь молодежь. Рушатся надежды на кого-то, проясняется помалу великорусская пленка и у бывших рулевых...

Хочется верить в это и отмежеваться от закоренелых, для Казачества мертвых людей...

Изменники делу были и будут... С этим приходится считаться, тем более, что больше 200 лет прививавшийся яд не мог не дать последствий. Казачество, однако, отделяет волков от баранов, воздаст должное одним и другим, не побоявшимся насмешек, злобы, обвинений в предательстве и поднявшим знамя, знамя вольно-казачье:

— Казачество для Казачества только и Казачество прежде всего!...

Точно, ясно и понятно высказанная в золотой Праге эта идея взбурлила, взволновала море казачье.

„Вот где наша настоящая, наконец!...“

Считаю излишним оглашение декларации этого движения, опубликованной на 1 странице № 1 журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“, полагая ее знакомой всем интересующимся, хочу особо лишь подчеркнуть два положения:

1) Быть или не быть, жизнь или смерть и

2) подневольное состояние, пусть и сравнительно приличное, или свой дом, пусть и бедный, которые выявили первый пункт декларации:

— „Освобождение Родных краев...“ Главный пункт, суть дела, ради которого хороши все средства, возможности, союзники и помощь.

К союзникам относятся наши соседи: Украина и народы гор, являющиеся нашими естественными союзниками.

С ними, по принципу времен былых, мы всегда

найдем общий язык как равный с равным, вольный с вольным, пойдем друг друга, найдем общий путь, а если нужно будет и умрем рядом... За право жизни, право своего „я“!...

Прошел год с лишним по выходе журнала, ценности окончательно переоценены, грани отшлифованы, цели намечены:

Вольные станицы, хутора и курени — очередной вопрос момента.

Больше веры в наше святое дело, больше веры в торжество его, больше веры в оставшиеся силы нашего народа, в спасение его!

Сила в единении, в общих думах и мыслях, в общих действиях!...

Хочется заранее пожелать успеха Вам, дорогие станичники, хочется верить в торжество, как Вашего начинания так и других, в конечном торжество нашего дела, сказав:

Дай Бог и в добрый час!... Петр Терский.

Казаки о „В. К.“

I

М. Г., г-н Редактор!

... Настоящим прошу принять мою сердечную благодарность за понесенные Вами труды... От души радуюсь, что среди нашей интеллигенции нашлись смелые люди первыми поднять знамя за свободу и вольности казачьи... Да поможет Господь Бог Вам... довести начатое дело до конца, а долг каждого из нас... помочь Вам, отдавая все силы, способности и энергию.

Пусть Ваши труды с нашей помощью проникнут в родные Края. Пусть Тихий Дон, Вольная Кубань и Бурный Терек знают, что их верные сыны в изгнании не сядят сложивши руки. Пусть знают, что они, отдав все свои силы, стараются освободить свою измученную родину.

Желаю Вам дальнейшего успеха в Вашей плодотворной работе на пользу Вольного Казачества.

12-VI 29. Польша.

А. Солдатов.

II

Слепой офицер-инвалид о „В. К.“

... Так хочется сказать Вам и Вашим соратникам по перу широе спасибо за ту гигантскую работу, какую Вы делаете, не давая навеки заснуть казачьей думе и будя казачьи мысли...

... Про себя скажу, что много прошло дум и мыслей в моей казачьей голове и я сам удивляюсь, как она еще не лопнула...

Есаул Н. И. Пос-ов (ст. Тульской, Майк. отд.) Рим, 27 мая 1929.

III

Глубокоуважаемый, г-н Редактор!

... Приступлено-ли Вами к изданию общеказачьей истории? Мы все ждем ее с нетерпением...

Журнал Ваш читаем с невыразимым интересом... 20-VI-29. Югославия.

А. Ч-ный.

IV

Господину Редактору. Дорогой станичник!

Позвольте мне через Вас сказать и выразить глубокую благодарность всем казакам-инициаторам Вольного Казачества... Казаки зорко смотрят за Вашими делами по спасению Казачества. Лейте правду на свет, ибо правда светлее солнца.

Два года назад, как появилось на свет В. К. со своим печатным органом и уже сделало два дела. Уже, до некоторой степени, Казачество спасено. То, что высказано в журн. № 37 относительно переезда и взгляда на будущее, казаки говорят — это правильно. Кроме этого они говорят, что Вольные Казаки действуют в мирной и гражданской жизни чисто по военному. Это правильно. Авангард В. К. в Праге сейчас ведет перестрелку и зовет в свои ряды Казачество. Арьергард, высланный в Перу, будет защищать тыл Казачества... Желают чтобы, В. К. установили связь вправо и влево

с мощными государствами и все Казачество будет спасено. Но просят не допускать к своей плодотворной работе подозрительных лиц, чтобы не спровоцировать общее казачье дело...

... Еще раз от себя и от имени своих знакомых казаков благодарю и говорю казачье спасибо.
15-VI-29. Франция. Скобелин.

V.

Глубокоуважаемый, г-н Редактор!

Прошу Вас и молку поместить в родном нашем казачьем журнале мое простое, но от души казачье слово. Книгу „Казачество“ я имею. Прочитал внимательно. Не денег жаль, которых мы и без этого не имеем, но жаль, что я ошибся, очень ошибся. Казаку она абсолютно бесполезна. Все умирать, да стоять, да скитаться за родину-мать-Россию. Россия и казаки, Дон и мать-Россия...

Моя родина мать Россия век на моих предков, вольных казаков, зубы точила, да ноздри им бедным вырывала, а я за Россию умираю...

Прежде всего я лично чистой калмыцкой крови. И разве же я русский?.. Оставим говорить...

Я только радуюсь и благодарю журнал „В. К.“ за его плодотворное святое наше казачье дело.

Казаки! Давайте собираться во единый Круг! Подписывайтесь и получайте наш милый казачий журнал и старайтесь узнать, почему мы не русские, а исключительно вольные казаки, потомки атамана Сары-Азмана... Пусть не обидятся другие и не обвинят журнала „В. К.“, ибо слова мои казачьи.

Здравствуй Тихий Дон с Низу до Верху, с Верху до Низу, с Кубанью Вольною, Терекком бурным, Янком студеным, Иртышом полноводным, Амуром широким... И вы, атаманы молодцы в сганицах вольных и все казачество славное на родимых Краях исконное...

18-VI-29. Болгария.

Г. М. Александрин.

VI.

Шановний пане Редакторе!

Только недавно узнал определенно о существовании группы „Вольное Казачество“. Эта организация

давно должна была зародиться, но почему то только теперь начали проявляться казачьи умы... Сам я кубанский казак (под'есаул) черноморец... Живя с казаками, сколько пришлось насмотреться на все проделки, которые проделывались над казаками... Казака старались изолировать от своих офицеров, которые „гнут казачью линию“... Сколько бы я мог рассказать интересного из жизни казаков в Сербии...

Пусть Ваш голос, через Ваш печатный орган распространяется все шире и шире... Настойчивее провозглашайте свою идею, кричите об этом по сильнее, чтобы все казаки слышали. Нас тут много черноморцев, — все молодежь в возрасте 25—33 лет, горячие поклонники тех вольностей, которыми жили предки, а нам передались только в песнях. На нас сбылись слова Шевченко: „а над дітьми козацкими поганці панують“. До каких пор будут они издеваться над нами? Они пользуются молчаливостью казака. — Так займите им всем, что нам с ними не по руке: мы идем к свободе, хотим, чтобы и другие жили свободно... Они же собираются властвовать над нами... Так вот мое слово, слово казака: с ними нет смысла вступать в полемику, а просто сказать: нам с вами не по пути.

Если бы Вы оттуда могли видеть наши моральные переживания, когда не знаешь, к какому берегу пристать. Пробовали приставать к берегам, так манивших своей наружностью, но — увы — горькое разочарование. Ваш берег кажется подходящий, особенно для меня, кубанца-черноморца. Разве можно все выложить, да еще последовательно, когда боль души, рана душевная „велика, как море“.

Оживленнее ведите работу, побольше информируйте казаков, проживающих во Франции, а то, несмотря на то, что живем в культурной стране, а узнаем обо всем позже всех...

Вітаю Вас, брате мій. Дай Боже Вам сили на полі тяжкої праці. Певно знаю, що праця тяжка, але ж пам'ятайте, що Ви служите своїм братам, котрі терплять вигнання і тяжкі муки — за свою правду, і віру, і за гріхи других.

Бувайте здорові. Е. Я. —ко (ст. Щербинівської).
2-VII-1929. Франция.

Международная жизнь.

О новом режиме в Королевстве С. Х. С.

(По случаю полугодовщины).

6-го января этого года в Королевстве С. Х. С. манифестом Короля Александра I отменена т. н. Видовданская Конституция, распущена Народная Скупщина, закрыты политические партии, а вся власть сосредоточена в руках Короля.

Какие побудительные причины заставили Короля Александра прибегнуть к столь решительному шагу, достаточно известны всем. Он сам искренно и открыто сказал это тогда же представителям европейской печати. Сказал и то, что, следуя традициям своего отца, покойного Короля Петра Освободителя и прадеда — вождя сербского народа Карагеоргиевича — Он опять введет в действие демократические законы, когда для этого создадутся надлежащие условия.

Сформированное Его Величеством правительство с премьером генералом Живковичем с первого-же дня энергично принялось за реорганизацию государственного аппарата, начав с закона о Верховной Управе.

Ряд законов, выработанных и проведенных в жизнь с 6-го января, достаточно убедительно говорят за то, что Е. В. сделал то, что нужно было сделать и что сделать это мог только он.

Первыми приветствовали новый режим торгово-промышленные классы. И, понятно почему: упрощенная администрация, свобода от влияния политических партий; мощная поддержка частной инициативы — создают условия для быстрого роста промышленности в стране, к слову сказать, по своим природным богатствам пред-

ставляющей еще непочатый угол. С еще большими надеждами встретило переверот крестьянство. И, новый режим за эти 6 месяцев сделал уже столько, что можно положительно утверждать, что надежды крестьянства оправдаются целиком. — Учрежден Привилегированный Сельско-хозяйственный Банк, имеющий освободить крестьянство от кабалы у сельских ростовщиков; подготовлен новый проект начальных школ, в которых помимо основных общеобразовательных предметов, будет основательно изучаться сельское хозяйство. А в связи с этим реформируются и учительские семинарии. По новому закону народный учитель должен быть и образцовым сельским хозяином — агрономом. Проведено сокращение лишних чиновников, занимавших места по протекциям верхов политических партий. Проведен новый закон о независимости суда и несменяемости судей, и т. д.

Разные были пути троименного народа, но вели они к одной цели: соединению воедино, к созданию одного государства. Разные были способы, какими пробивалось каждое племя к общей цели — на западе — западные: европейские. Но если восточная часть народа для его, порабитителей была — бесправная „ра́йя“, *) — западная для своих культурных „хозяев“ — „sclavus“. **) Первые потоками своей крови завоевали себе почетное место в семье европейских народов; вторые борьбой политической, национальным самосознанием подвели огромные территории б. Австро-Венгрии под Вильсонову формулу:

*) чернь — рабы.

**) Sclavus — раб.

Самоопределение народов.

И 1 декабря 1918 года вырешили эту формулу соединением с Сербией в одно государство.

Десятилетний парламентский режим с борьбой политических партий, зародившихся при старых условиях, оказался не отвечающим ни духу, ни интересам новой народной державы.

Режим провинциализма шел в разрез с экономическими нуждами молодого государства и не соответствовал его международной ценности.

6-ое января — был выход из топтания на месте, начало консолидации внутригосударственной жизни.

Подъем, с которым переворот был принят; поддержка, которую оказывают правительству все слои общества в проведении в жизнь новых законов — прочная гарантия, что братский народ на верном пути к своему будущему.

Мы от всей души желаем братскому народу, как можно скорей дойти до цели, к которой ведет его Славный Вождь.

Вл. К.

Украинская эмиграция.

† Е. Х. Чикаленко. (1861—1929).

20 июня в немецкой хирургической клинике в Праге, после долгой и тяжелой болезни (рака), скончался Евгений Харлампович Чикаленко, один из интереснейших и активнейших представителей украинского национального ренессанса, с именем которого навсегда будет связан романтично-творческий и пионерский период в истории украинского национального движения.

К покойному вполне применим прекрасный чешский термин — „buditel“, каким чехи называют своих выдающихся деятелей на поприще национального возрождения.

Таким украинским национальным „buditelem“ был Е. Х. Чикаленко.

Покойный непоколебимо верил в будущее своего и всеми своими силами содействовал национальному его возрождению.

Многогранна и разнообразна была его деятельность в этом отношении.

Будущий историк украинского национального ренессанса должен будет проанализировать и определить точно роль покойного в нем. Сейчас было бы преждевременным пытаться это сделать под свежим впечатлением смерти Е. Х. Чикаленка.

Следует только отметить, что благодаря универсализму его богатой личности и всесторонности его личных и общественных интересов, ничто, что касалось украинского движения, — не было и не могло быть чуждо покойному.

Прекрасный агроном и знаток сельского хозяйства, он был большим популяризатором агрономических познаний на украинском языке и, таким образом, великодушным воспитателем украинского крестьянства не только в агрономическом, но и в национальном отношении.

Неудивительно поэтому та популярность, какую пользовался покойный среди широких масс украинского сельского населения, которое относилось к нему, как к своему отцу.

Замечательный знаток украинской народной речи, Е. Х. Чикаленко, — естественно, был предопределен для той роли, какая выпала на его долю в конце жизни, когда он стал председателем терминологической комиссии при Украинской Академии в Подебрадах и был главным составителем, и вместе с тем и редактором нескольких специальных словарей на украинском языке.

Для многих, однако, покойный „старый пан“, как любя называли его земляки, — был прежде всего ментом украинского движения. И то не только в том смысле, что материально поддерживал его, но и что умел отыскивать молодых работников на украинской ниве вообще, а в частности — угадывал новые литературные таланты. Не один из современных украинских писателей был если „не открыт“ покойным, то обласкан и включен постоянным звеном в украинскую национальную жизнь.

Многим обязана покойному украинская пресса, особенно ежедневная, которой Е. Х. Чикаленко уделял больше всего своего внимания и своих средств.

Перед революцией в киевской квартире покойного была, собственно говоря, главная ставка украинского национального движения. Там сходились все активные деятели на этом поприще. Там имели место разные совещания и конференции. Там встречались представители зарубежной и местной Украины. Там, одним словом, сильно бился пульс украинской национальной стихии...

Понятно, поэтому, что покойный был одним из наиболее популярных деятелей на Украине и, что особенно следует отметить, весьма популярным в широких слоях крестьянского населения.

В конце, на страницах этого журнала нельзя не отметить искренние и определенные симпатии покойного к „Вольному Казачеству“, как движению, так и к журналу.

Е. Х. Чикаленко очень внимательно следил за ним и прекрасно понимал его суть, а главное — будущие перспективы. В этом новоказачьем движении он видел естественного союзника украинского самостийничества. Покойный был постоянным и очень внимательным читателем нашего журнала и не раз отмечал занимательность и живость его содержания...

Со смертью Е. Х. Чикаленка — из украинской жизни преждевременно ушел один из наиболее творческих ее создателей, оставивший после себя неизгладимый след в истории украинского национального возрождения конца прошлого и начала этого столетия...

О. Д—кий.

Е. Х. Чикаленко.

*****

Казачья эмиграция.

М. Г., г. Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах журнала „Вольное Казачество“ следующее открытое письмо:

В своем докладе на тему „Организационный крах Вольного Казачества“, г. Глазков имел неосновательную смелость говорить от имени казачьей молодежи.

Брянская группа молодого Вольного Казачества не давала ему на это никаких полномочий, а наоборот его поведение находит недостойным казачьего имени, так как знает границы, где кончается правда и искренность и начинается предательство и измена.

Г. г. же Майснеру и Варшавскому, „яростным защитникам русских интересов“, но людям далеко не русского и даже не славянского происхождения пусть будет авансом, указывающим на безцельность дальнейших их выступлений, наш дружный клич из молодой казачьей груди:

Да здравствует Вольное Казачество!

Да передадутся из поколения в поколение казачьи Конституции, скрепленные кровью братьев и отцов наших.

Поручены росписи 16-ти казаков.

Представители Брянской группы Вольного Казачества Войска Терского **М. Филиппенков**. Всевеликого Войска Донского **Константин Поляков**.

Медвежья услуга Казачеству.

(Из письма.)

На авеню de la Reine, Boulogne (в Париже), на месте, где расклеиваются афиши, проходящая публика останавливается один по одному и так собирается толпа.

Смотрят на рекламную афишу и громко рассуждают, произнося слова козак-козак... Проходя в это время мимо, я остановился, прислушиваясь к разговору любопытствующей публики, которая отпустила не совсем лестные отзывы о казаках, вроде: тираны, кровопийцы, поработители русского народа.

Не понимая причины таких резких выражений, я стал всматриваться в афишу, но за головами людей вижу только верхнюю часть ее, где написано:

Цирк бр. Амара выступает 5-6 июня в Boulogne. Тогда я протиснулся прямо к рекламе, и что же я увидел? — Казак, в черкеске, на полном карьере лошади с длетью в руках, наносящий удары убегающим с воплем от него русским людям. Ниже этого значится: Труппа казаков Яценко.

Не так давно я получил письмо от моего приятеля казака из провинциального города, где проходил цирк бр. Амара. Возмущаясь, пишет и он, что видел рекламную большую афишу, где казак в красной черкеске на бегущей лошади длинным кнутом наносит удары в ужасе бегущим от него русским крестьянам и женщинам с детьми на руках.

Разве этот донец Яценко со своими джигитами показывает на сцене в цирке подобные трюки? Нет!!

Так зачем же он разрешает дирекции подобные рекламы, ничего общего не имеющие с джигитовкой, но роняющие достоинство казака и делающие казачеству весьма скверную рекламу. Это совершенно недопустимо.

Этого мало, Яценко держит в группе типа, который ничего общего с казачеством не имеет, и бывали случаи когда этот лжеказак, надев черкеску, пьяный в доску выходил на сцену и на глазах зрителей падал пьяный, валяясь в пыли. И если бы с лошади, а то пешком. Это провокационная реклама тем казакам, кому принадлежит черкеска.

Как старый казак кубанец я до глубины души оскорблен работой подобных „джигитов“, а по сему во всеуслышание протестую и зову к протесту.

15-VI, Париж.

Вахмистр Провсвет.

Казак в Ломе. (Болгария).

На 19-е мая 1929 г. в гор. Ломе созывался станичный сход Усть-Ломской обще-казачьей станицы для выбора станичного атамана, вместо генерала В. В. Разстегаева, переехавшего на жительство в Софию.

На сходе присутствовало до 50 казаков. Заместителем атамана станицы Н. М. Егоровым был открыт сход; при чем, были раз'яснены сходу задачи его созыва. Закрытой баллотировкой оказался выбранным в станичные атаманы казак войска Терского Ф. Н. Блохин.

После выборов г. Блохин, поблагодарив казаков за выраженное ему доверие, подчеркнул, что он счастлив до слез, что казаки Дона и Кубани вручают главенство своему младшему брату терцу. При чем добавил: постараюсь же и я, станичники, оправдать Ваше доверие, но, знайте казаки, что маленькое Ваше неповиновение — уйду. Мало выбрать себе атамана, но надо его и поддержать, ибо только при совместной Вашей поддержке Ваш атаман может быть Вам полезен и в состоянии выполнять все те работы, которые от него потребуются.

Затем был выбран казначеем станицы (он же и писарь) казак войска Донского Г. П. Ахваткин, а помощником атамана сход постановил оставить прежнего казака войска Донского Н. М. Егорова.

После закрытия схода вновь избранный атаман на казачьей пир-беседе обрисовал картину казачьего житья-бытья на чужбине. Холопами мы ни у кого не были и не будем. Держите голову бодро, а ухо остро. Будь строг сам к себе и всегда будь готов ко всяким неожиданностям, так закончил свое слово атаман.

Н. М. Егоров, призывая казаков к сплоченности и поддержке своих выборных лиц, сказал: видите, станичники, как хорошо, что мы сегодня собрались почти что все казаки, живущие в Ломе, в свою казачью семью; так давайте же, наконец, почаще собираться во единый круг так, как это сделали сегодня. Верно и то, что все мы вынуждены гнаться за куском хлеба, но все же необходимо и собираться, ибо наше собрание тоже хлеб, но только хлеб — духовный.

Атаман станицы, провозглашая тост за здоровье Войсковых Атаманов обрисовал картинно всю тяжесть и ответственность их перед Казачеством, как здесь так и дома. Г. г. критику создавать легко, но для того чтобы критиковать других, сначала нужно поставить на их место самого себя, а потом уже критиковать, а этого то у нас казаков и нет.

Вечеринка закончилась танцами и затянувшейся дружеской беседой.

К. —

Из жизни казаков в Болгарии.

Посылаемые мною фотографические карточки изображают группу казаков в сорок человек на работах, подрядчиком которых является казак станицы Пашковской Федор Парамонович Зинченко.

Благодаря своему труду, предприимчивости и честности, он стал подрядчиком всяких небольших работ: как сенокос, доставка песка на постройки и др, на которые всегда брал прежде всего казаков.

В рабочей казачьей среде Зинченко многие знают и все относятся с уважением.

Не одну зиму и не один казак обращался к Федору Парамоновичу за помощью.

Не раз мне приходилось быть свидетелем, когда приходившие к нему казаки обращались: „Парамоны! мы пришли к тебе с просьбой. Ты знаешь, брат, какая холодная зима, а в квартире ни куска угля, холодной, чем на дворе, да и есть нечего. Дай, пожалуйста, немного денег взаймы, а весной, даст Бог рассчитаемся.“

Федор Парамонович, почесывая затылок, спрашивал какую сумму он хочет взять, доставал деньги из своего сундучка и, передавая ее просителю, говорил: „Надеюсь, что будете честным“. Получивший деньги совершенно уже с другим выражением лица отвечал:

„Не беспокойся Парамонич, что ты не знаешь нас“. Никогда и ни от кого он не брал ни векселей, ни расписок.

Надо сказать, что и его никто не обманул.

Ввиду безработицы в Болгарии, многие казаки уезжали и уезжают во Францию. Были случаи, когда не успевший уплатить долга числящегося за ним уезжал. Тогда он приходил к Федору Парамоновичу, извинялся, что не смог уплатить своего долга к отъезду,

просил его пойти к Зенькову (представителю казачьяго союза), в присутствии которого выдавал расписку, а потом через последнего высылал деньги в уплату своего долга.

Дай Бог, чтобы среди нас, побольше было таких Зинченковых.

На помещаемой здесь фотографии группа казаков в 40 человек во время сенокоса в 1928 г.

П. Н.

Казаки на сенокосе в Болгарии.

Хроника калмыцкой эмиграции.

Калмыцкая команда футболистов, составленная из мальчиков-учеников русской реальной гимназии в Страшницах, еще в 1924—25 гг. с заметным успехом, одновременно отмечавшимся на страницах прессы, выступала на футбольных состязаниях.

В этом году эта команда, несмотря на то, что (за разездом) потеряла таких хороших игроков, как Тепкин, Трушкин и Адучинов, блестяще провела длительную компанию за среднешкольский чемпионат в Чехии, за большой серебрянный кубок.

Больше тридцати команд средних школ города Праги оспаривали этот приз. Борьба началась осенью 1928 г. и закончилась 21 июня 1929 года.

Все команды разделены на три группы, по 10—11 команд в каждой из них, в результате состязаний между собою, должны были выделиться по три лучших команды и уже между этими 9 отборными командами должен был быть разыгран приз.

Команда русской реальной гимназии состоит из 9 калмыков: Нарана, Александра и Лиджи Улановых, Девзинова, Шарاپова, Балюгинова, Ункурова, Кульдинова и Бурхачинова, одного кубанца — Милькина и одного русского — Блотского.

Поэтому команду эту справедливо называть не только командой русской гимназии, но и калмыцкой командой.

С первых же встреч с противниками эта команда начала побеждать и к весне была далеко впереди всех команд в своей группе.

Встречи среди 9 отборных команд тоже неизменно начали сопровождаться успехом и она, во главе компании, пришла к финальной игре (к розыгрышу приза), имея 13 бодов (очков), 24 гола забитых противникам и 3 гола полученных от них. Оспаривающей стороной явилась команда Пражской обходной (торговой) академии, которая пришла к финалу, имея: 13 бодов, 17 голов забитых противникам и 7 голов полученных от них.

Двадцать первого июня в 4 часа дня, на футбольном поле „Богемиянц“, при значительном стечении зрителей (калмыков, чехов и русских) произошла решаю-

щая схватка между этими лучшими, среднешкольскими командами.

После небольшого дождя день был пасмурный, прохладный, для игроков благоприятный. Когда обе команды выстроились для старта, лучшее внешнее впечатление на публику произвела команда чешская: рослые, на подбор ровные, розово-румяные, в белых рубашках с широкой сиреневой лентой поперек груди, они выглядели лучше и внушительнее, чем маленькие черненькие калмыки в скромных темносиних рубашках.

— Посмотрел и сердце мое упало, — говорил один калмык из публики.

Но, с первой же минуты игры настроение публики меняется.

Искусно вырвав старт, путем идеальных передач, за полминуты наша команда очутилась у ворот противника и сделала первый, но неудачный удар по голу.

И начался напряженный бой.

Противники оказались вполне достойными друг друга. Перевес в физической силе игроков, в быстроте бега был на стороне чехов и каждый человек команды, отдельно, недурно играл, но они уступали в комбинациях и, пожалуй, у них вовсе не было собственной системы.

У калмыков был перевес в дисциплине и согласованности игры, они имели свою систему, всегда дававшую им победу — короткие и меткие пасовки. Эти качества обеих команд уравнивали их, но такие серьезные игроки нашей команды, как Ал. Уланов, Л. Уланов, Н. Уланов, Ункуров, Шарапав, Балюгинов, при надежном голкипере Блотском уже создавали противнику угрозу неожиданностями и не давали им возможности особенно увлекаться.

В первом полчасе игра велась преимущественно на поле обходников. На двадцать пятой минуте Ал. Уланов, получив меткий пас слева, искусным приемом выманив голкипера вперед, с треском вбивает красивый, чистый гол.

Публика продолжительно и шумно аплодирует.

Возобновившаяся после перерыва игра второго „хаф-тайма“ отличается особенно упорными и повторными атаками обходников.

Гимназисты не только успешно защищаются, но и по временам переходят в атаку и один эффектный, энергичный удар Ункурова по цели, только благодаря опытному голкиперу, не кончается голом.

Два раза положение у ворот калмыков становится тревожным, но хороший голкипер Блотский отражает нападение.

На двадцатой минуте второго „хаф-тайма“ обходникам, со штрафного удара у самых ворот, удается забить случайный гол и выравнять положение.

Дальнейшая часть игры проходит в безуспешных попытках обеих команд, кончается со счетом 1 : 1.

Надо заметить, что блестящий бек нашей команды — Дживзинов, получивший в игре за два дня до этого серьезные ушибы по нездоровью не мог развить нормальной игры.

Таким образом, наша команда, в результате этой встречи имеет: 14 очков, 25 забитых и 4 полученных голов, а обходники 14 очков, 18 забитых и 8 полученных голов.

Согласно положению, приз, большой, красивый, серебряный кубок, под шумные, ликующие возгласы гимназистов вручается нашей команде и служит предметом восторга всей Страншицкой гимназии.

Рефери, инженер Туршнер энергично и, сравнительно беспристрастно, руководил игрой.

Таким образом молодые калмыки спортсмены не только сохранили за собою звание хороших игроков, но в 1929 году укрепили его, завоевав первенство в такой длительной и трудной компании. По случаю окончания гимназии капитан к-ды Н. Уланов и Л. Уланов, лучшие игроки, покидают команду.

Новому капитану предстоит задача подобрать на их места достойных игроков.

Вечером того же дня, местная калмыцкая колония, по инициативе Калмыцкой комиссии культурных работников, в отеле „Мирмар“ устроила чествование калмыков Н. Уланова, Л. Уланова, и Шурганова по случаю успешного окончания ими гимназии. После приветственной речи председателя Комиссии Уланова, директор гимназии г. Сватос, в задушевной речи призывал молодых калмыков энергично стремиться к науке и культуре.

Присутствовавший на чествовании японский студент Сато, поднял бокал за успешное продвижение окончивших калмыков в науках и за процветание азиатских народов. Тепло и искренно отвечал им Шурганов.

Шалвур Нимино.

Калмыцкая футбольная команда.

Среди калмыков.

15-го июня с. г. в Праге (отель „Граф“) состоялось годовое общее собрание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР.

Открыв Собрание, Председатель его Б. Н. Уланов от имени Собрания приветствовал С. У. Степанова, окончившего в этом году Юридический факультет в Праге. С. У. Степанов в кратких словах благодарил Президиум, в частности его Председателя Уланова за всю ту моральную и материальную поддержку, которая оказана была ему в деле его поступления и окончания факультета.

Затем секретарь Комиссии Ш. Н. Балинов делает подробный, исчерпывающий доклад об общей деятельности Президиума и финансовый отчет. Приведем из этого последнего несколько интересных цифр:

Комиссия существует 6¼ .лет или 75 месяцев.

За все это время она получила:

1. Личные стипендии трем лицам — 186.400 к. ч.
2. На всю свою культурную работу и на оплату служащих — 226.950 к. ч.

Председатель ревизионной комиссии Д. И. Ремилев делает доклад о результате ревизии деятельности Президиума за истекший отчетный год.

В последовавших затем прениях принимают участие: Владинов, Николаев, Баянов, Степанов и др. При чем выступление последнего, пришедшего на Собрание с заранее написанной резолюцией и „особым мнением“, носит резкий доходящий до неприличия характер. Не-

вольно возникает мысль — не находится ли его резкость в прямой связи с выступлением М. Даржинова, который возмущался тем, что Президиум в своем приветствии к калмыкам на праздник Цаган написал: „... да будет суждено всем нам будущий Цаган встретить в своих Родных Краях, среди своего родного народа, свободного от нынешней большевицко-коммунистической власти, под гнетом, ярмом коей продолжают тяжело страдать не один наш народ“... и приветственным словом Б. Н. Уланова на юбилейном торжестве П. Н. Милюкова.

По мнению Даржинова никак нельзя выступать против большевиков, и недопустимо приветствовать Милюкова хотя бы только как ученого...

Собрание принимает по заслушанным докладам следующую резолюцию внесенную Э. К. Николаевым:

1. „Годичное Общее Собрание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР заслушав доклад Президиума Комиссии: а) об общей деятельности Комиссии за отчетный год, б) финансовый отчет за истекший год, в) смету на 1929 год и г) доклад Ревизионной Комиссии, а затем прения по этим докладам, постановило: а) Деятельность Президиума за истекший отчетный год одобрить. б) Финансовый отчет утвердить. с) Смету на 1929-й год принять.

2. Рассмотрев же „особое мнение“ члена Ревизионной Комиссии С. У. Степанова признать требование последнего не заслуживающим серьезного внимания. Удовлетворение подобного требования противоречило бы внутренним правилам нашей организации и привело бы к полному аннулированию законных постановлений

всех предшествовавших Годовых Общих Собраний Комиссии. Тем более отчеты Президиума о его деятельности, согласно Устава, ежегодно рассматривались и утверждались на соответствующих Общих Собраниях Комиссии, в которых постоянно принимал активное участие и член нынешней Рев. Комиссии С. У. Степанов.

3. Принимая во внимание тяжелое материальное состояние Комиссии, а также неблагоприятные условия в эмиграции для осуществления поставленных ею задач, — выразить полную признательность и благодарность Председателю Комиссии Б. Н. Уланову за его неустанную и полезную работу.

4. Считая трудно поправимым злом для национального дела всякий ущерб, наносимый авторитету и положению Комиссии, призвать всех членов ее, во имя национально-культурного возрождения Калмыцкого народа в целом (Донцы, Астраханцы, Ставропольцы), всемерно содействовать возвышению и укреплению морального значения Комиссии действуя в этом направлении в полном согласии с ее Президиумом.

После принятия резолюции С. У. Степанов просит внести в протокол его „особое мнение“.

Затем Председатель Комиссии Б. Н. Уланов делает доклад о плане работы на будущее. После обсуждения Собрание утверждает представленный план работы. В состав Комиссии принимаются новые члены: Д-р Хара-

Даван, полковник А. А. Алексеев, Бакша Умальдинов и окончившие Пращскую гимназию: А. Шурганов, Н. Уланов и Л. Уланов.

В Президиум на новый год избираются: Председатель Б. Н. Уланов, заместитель С. Б. Баянов и секретарь Ш. Н. Балинов. В Ревизионную Комиссию: Д. И. Ремилев, Э. М. Бурульдушев и Б. Б. Бембетов. В Редакционную Коллегию: Б. Н. Уланов, С. Б. Баянов, Д. Н. Баянова, Э. К. Николаев и Д. И. Ремилев.

После окончания деловой работы Собрания С. Б. Баянов просит предоставить ему слово для ответа на брошенные по его адресу Степановым оскорбительные намеки. Последний несмотря на указания, что бросать оскорбительные намеки по адресу других и не выслушивать ответа на них некорректно, неприлично, все же не выслушивает этого ответа и уходит из Собрания...

Нас поражает непонятный, злобный, грубый и совершенно неделовой выпад С. Степанова против Председателя Комиссии Б. Н. Уланова. Трудно понять психологию человека, который, в сущности, своим высшим образованием почти всецело обязан Б. Н. и еще труднее понять, как сочетает С. Степанов слова благодарности, обращенные им к Б. Н. Уланову и возглавляемой им организации с одновременным выступлением против него же...

В Казачьих Землях.

На с'ездах советов — РСФСР и СССР. Выступления представителей Сев. Кавказа.

На заседании 11 мая в прениях по докладу правительства РСФСР принимал участие представитель Северного Кавказа Балахнин, заявивший, что плохо поставлено в крае селекционное дело, вопрос создания семенного материала, в чем, на взгляд оратора, определенно виноват и московский наркомзем и северо-кавказские местные власти. Животноводство тоже похрамывает. Мы знаем целые районы, в частности Караево-Кавказскую область, которая буквально прозябает, потому что из года в год ее скотоводство охватывает эпидемия „повалки“ — ящура и другие болезни скота. В одном из округов от ящура зависел вопрос о том, будет или не будет выполнен план посевной кампании, потому что при ящуре нельзя иметь выход скоту на территории, где свирепствует эпидемия. Относительно системы сельско-хозяйственной кооперации оратор заявил, что на местах все более и более убеждаются в том, что она крайне нуждается в критике и руководстве.

15 мая в прениях по докладу о пятилетнем плане развития народного хозяйства высказывался от Сев.-Кав. Края Ищенко, заявивший от имени представителей края, что они считают совершенно недостаточным намеченный по пятилетке темп землеустройства. Оратор категорически настаивает на увеличении ввоза сельско-хозяйственных машин и орудий и требует обратить особое внимание на проведение противозасушливых мероприятий.

Другой оратор, Левитин заявил, что совершенно непонятно, почему Сев. Кавказ попал в разряд „старых промышленных районов“ и почему по пятилетнему плану удельный вес капитальных вложений понижен с 10,6 проц. до 9,5 проц.

Северный Кавказ, обладающий богатейшими сырьевыми энергетическими ресурсами, занимающий исключительно выгодное географическое положение, имея два морских порта, край, промышленность которого составляла до войны 21 процент в общей товарной массе имперского хозяйства, отнесен теперь пятилетним планом к старому промышленному району, развитие которого должно быть ослаблено. Мы считаем эту тенденцию плановых инстанций Москвы неправильной в корне. В заключение оратор настаивает на децентрализации управления промышленностью, до сих пор управляющейся из Москвы и только из Москвы.

От калмыцкой автономной области в прениях по докладу правительства РСФСР выступал с речью Садаев. Его выступление можно воспроизвести по отчету

„Известий“ только как примерное самоотверженное и в достаточной степени низкопоклонное воскурение фимиама в официальном советском стиле: „Товарищи, я обращаюсь к вам от калмыцкой автономной области, от калмыцкого трудового народа. Разрешите мне, как человеку неграмотному обратиться к вам на деревенском языке. У меня к вам несколько слов о жизни трудящегося калмыцкого населения. Наше калмыцкое население самое отсталое из всех (???) национальных меньшинств. Я не знаю был ли у них раньше один (!!!) процент грамотных. Теперь же, когда т. Ленин показал всему РСФСР'овскому пролетариату, в том числе и калмыцкому трудовому народу путь, мы открыли глаза. У нас появилось несколько школ, у нас открылись пути к образованию. Да здравствует XIV с'езд советов...“

Надо сказать, что даже на крайне бездарном и безличном фоне XIV с'езда эта речь выделяется своей подчёркнутой благонадежностью и усиленным старанием разыгрывать из самого себя дурачка-простачка, а свою страну перед „сливками“ столичных и всесоюзных администраторов изображать беспросветной глушью.

Харченко, выступавший от Северного Кавказа по докладу Кубяка, довольно остроумно заметил: „правы были те товарищи, которые говорили, что в пятилетку, составляющую две толстые книжки (надо их было сделать тоньше) нужно внести больше изменения в смысле распределения средств с тем, чтобы не был забыт Северный Кавказ“.

Гемев от горцев заявил, что в пятилетнем плане народного хозяйства совсем не отражен вопрос об изменении языка делопроизводства в национальных областях Сев. Кав. Этот вопрос имеет для горцев весьма важное значение.

В прениях по отчету всесоюзного правительства от Сев. Кавказа брал слово Дорошев, выступавший и в прошлом году и очевидно принадлежащий к верхушке Сев.-Кав. администрации. Он заливался соловьем, напирал на то, что у них все распоряжения центра исполняются неукоснительно и т. д. Для характеристики приведем его начальную фразу: „практическое проведение правильной политики на Сев. Кавказе, имеющем важное экономическое и политическое значение в нашей стране, дало возможность этот край, в период гражданской войны считавшийся русской Вандеей, превратить в один из тех углов, на который советская власть может твердо опереться“. Интересно, все таки, чем бы кончился такой „социалистический“ эксперимент — если бы Сов. власть действительно вздумала в случае чего опереться на такие „углы“, как Северный Кавказ?

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0.75 зл.,
 в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других
 странах — 15 ам. ц.

